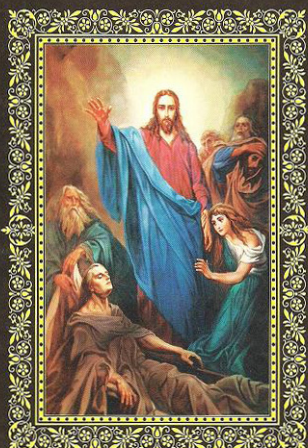

ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ

Алексей В. Фомин
Воскресение мертвых

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7144882
Воскресение мертвых: Новая мысль; Москва; 2007
ISBN 5-902716-08-X

Аннотация

В книге на основании учения Священного Писания, Святого Предания, толкований святых отцов и учителей Церкви изложены обстоятельства, предшествующие всеобщему воскресению мертвых, и последующие за ним, описаны чудесные случаи воскресения мертвых из Священного Писания и произошедшие в более позднее время, и конечно, чудо воскресения Иисуса Христа и его значение в деле искупления человеческого рода, приведены рассуждения здравого разума о возможности воскресения тел, изображена последующая вечная загробная жизнь праведников в раю и участь грешников в геенне.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
«Тело будущее»	7
Представление древнего мира о воскресении тел	11
Доказательства возможности воскресения	17
Истина воскресения	26
Слово о бессмертии и будущем воскресении	30
Глава 2	34
Свидетельства о воскресении мертвых Ветхого Завета	34
Воскрешение сына сарептской вдовы	38
О воскрешении сына сонамитянки	39
Воскрешение сына вдовы наинской	40
Воскрешение дочери Иаира	42
Воскрешение Лазаря господом нашим Иисусом христом	44
Апостол Павел воскрешает юношу Евтиха	46
Воскрешение апостолом Петром Тавифы	48
Глава 3	49
Воскресение Господа нашего Иисуса Христа из мертвых	49
Да, Христос действительно воскрес!	52
Значение телесного воскресения Христова	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Воскресение мертвых

Составитель Алексей Фомин

ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ

с изложением обстоятельств предшествующих всеобщему воскресению мертвых и последующих за ним, на основании учения Священного Писания, Святого Предания, толкований святых отцов и рассуждений здравого разума, с описанием случаев воскресения мертвых тел, изложенных в Священном Писании и совершившихся в более позднее время

Разрешено к печати Издательским Советом Русской Православной Церкви

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права на издание и название защищены.

Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Предисловие

Тайна воскресения мертвых велика и непостижима для нас. И именно неподвластность воскресения уму человеческому делает верование в него столь затруднительным для многих. Трудно представить, что не одна какая-нибудь часть рода человеческого воскреснет, но вообще все люди. Гораздо легче верить тому, что пророк Илья воскресил мертвого или же тому, что при жизни Своей Господь наш воскресил сына Наинской вдовы, дочь начальника синагоги и брата двух сестер – Лазаря; но тяжело для разума учение о воскресении всех людей, праведных и неправедных. Подумать только: многомиллионные страны кишат народом и почва земли буквально удобряется человеческими телами в продолжение целых тысячелетий, когда люди гибли, помимо естественной смерти и от других причин – в многочисленных войнах, от наводнений и пожаров, от голода и мора, на море и на суше, от человеческих рук и от звериных зубов – и все эти множества, без исключения восстанут из могил своих, – ни один из рожденных женою не будет почивать сном смерти навеки, то невольно возникает вопрос: «возможно ли это?»

Кроме того, вспомним, в каких страшных местах могут находиться человеческие тела!.. Многие погибли в копиях на глубине сотен метров; многие смыты морскими проливами и занесены в глубокие пещеры древнего океана; многие погребены под горами, павшими от вулканических переворотов и замурованы в граните скал... И где только нет остатков от человека? Они везде!.. И в земле, по которой мы ступаем, и в траве, которую мы топчем, и в деревьях, которые мы срубаем, и в источниках воды, которую мы пьем, и в злаках полевых, которые мы едим, и в воздухе, которым мы дышим. Никто не может указать хоть на одно место на земном шаре, где не было бы праха сынов Адама, или сказать хоть об одном ветре, в котором не содержалось бы неуловимых частиц того, что некогда называлось человеком, и показать хоть одну волну, которая не могла бы назваться раствором из остатков человека. Но как бы то ни было, как бы разбросаны ни были отдельные части разобранных машин в великой мастерской вселенной, всемогущий Механик соберет их и составит вновь в первобытные машины, из которых некоторые получают не только что первобытный вид, но также обновленный позлащенный вид. «Он обновит уничиженное тело наше так, что оно сообразно будет Его славному Телу».

А значит, в воскресении мертвых нельзя видеть ничего противного природе, ничего неестественного, хотя ни одна из сил, ныне действующих на наши тела, не способна произвести в нас такого действия, это возможно лишь для силы еще не проявившейся, для силы пребывающей во власти Бога.

Предстоящее всеобщее воскресение мертвых надо отличать от временных воскресений усопших, которые совершали Христос и его ученики (воскрешения дочери Иаира, Лазаря, четыре дня лежавшего во гробе, и других). То было возвращением к жизни, после которой все-таки неизбежна смерть. Но всеобщее воскресение из мертвых будет вечным воскресением, в котором души людей навсегда соединятся с их нетленными телами. Тогда праведники восстанут преображенными и просветленными.

Славное учение о воскресении мертвых удаляет скорбь нашу о близких нам умерших верующих. Мы знаем, что тот телесный бренный состав, который мы кладем в гроб и засыпаем могильным прахом в темной обители смерти, при возвещении архангельской трубы, в светлое утро воскресения восстанет нетленным, в чудной, неувядающей красоте, дарованной Творцом для небесной славы. То, что сеем мы в немощи, восстанет в силе; сеем в уничижении, восстанет в славе; сеем «тело душевное, восстанет тело духовное»... Вещественность тела нашего потеряет грубость свою и стремление свое к тлению и само тело наше из «душевного перейдет в духовное», т. е. будет повиноваться не низким желаниям живот-

ной души, но высшей воле свободного духа. На настоящей стадии земного существования нашего мы кругом обложены немощью: часто чего желаем, того не можем совершить, – и это подтверждает изречение Господа нашего: «дух бодр, а плоть немощна»... В воскресшем же состоянии нашем такое разногласие между телом и духом исчезнет: тело будет так же бодро и свободно, как и дух, выполняя всякое желание его безусловно во всем. Ныне тело наше, по природе своей, подпадает под различные ограничения и неспособности, от которых чистый дух изъят... Например, оно может двигаться лишь при тех же условиях, при которых движутся и все прочие животные, с той лишь разницей, что оно не может двигаться так же быстро и легко, как многие из них. Тогда же оно получит способность, без всяких препятствий, по одному только внушению духа, с неимоверной быстротой молнии переноситься чрез громадные надзвездные пространства в неизмеримой вселенной Божьей. Планеты будут служить ему лишь ступеньками лестницы, для восхождения к Престолу предвечного Отца. Это будет «тело духовное» – во всем покорное орудие духа, подобное славному Телу воскресшего Господа.

В сердце каждого религиозного человека живет уверенность увидаться снова со своими кровными родными, старыми друзьями, дорогими знакомыми и вообще добрыми ближними, – теми, которые, по неисповедимой воле Провидения, отошли в мир загробный. Приятна эта счастливая уверенность и дорога она для человека, как существа общественного. Утверждению этой уверенности и ее оживлению способствует Богооткровенное учение о воскресении мертвых.

Восстановить в памяти учение Иисуса Христа и апостолов о воскресении мертвых, провести его сквозь призму сознания может и должно быть достаточным оправданием настоящего издания.

Глава 1

Непостижимая тайна воскресения

«Тело будущее»

Есть одна дума в душе человеческой, которая залегла в ней глубже всех других дум – это мысль о своей смерти и смерти близких. «Смерть, – говорил один французский историк, – была первой тайной, представшей пред человеком; она поставила его на путь других тайн». Но, если по отношению ко всякой иной тайне допустим скептический вопрос: к чему тебе знать ее? Живи, не мудрствуя, и бери от жизни что можешь и хочешь взять; то перед лицом этой первой тайны такой совет неуместен.

– Живи, – учит философия земного благополучия.

– Но именно этого я и хочу, – отвечает душа. – Я хочу жизни, а получаю смерть.

– Не думай и о том, – продолжает тот же голос благоразумия.

– Хорошо, хорошо, я не буду думать о своей смерти, но вот еще при моей жизни умирает близкий мне человек: его смерть лишает меня лучшей радости жизни, неужели и на ней мне не нужно останавливаться?

– Да, старайся не думать и об этом.

Но для этого душе нужно перестать быть тем, что она есть – душой человеческой. Это, значит, сказать душе: умри, умри прежде смерти тела, чтобы дать возможность этому телу жить безмятежной, «естественной» жизнью, пока и ему не пробьет урочный час. Здесь безумие совета достигает своего апогея, и душа вырывается из когтей этой смерти, второй, а смерть первая и первая тайна снова становится перед ней неподвижным призраком. Вырваться из этого круга невозможно, и человек давно это понял. Как же он жил все эти долгие тысячелетия, чем жил, и что заслоняло от него этот призрак, мешавший ему жить?

Существует чудный рассказ у многих диких племен Африки и островов Великого Океана. Месяц посылает к человеку гонца (по одним версиям – зайца, по другим – хамелеона) и велит ему сказать человеку: как я (месяц) умираю и вновь возрождаюсь, так и ты (человек) умрешь и снова родишься. Но эта весть не дошла до места назначения, – хамелеон полз слишком медленно, а заяц исказил ее, передав: как умирает месяц, так умрет и человек и больше уже не воскреснет. Вместе с тем и сам месяц, пославший первое радостное известие, не захотел уже больше подтвердить его. Так человек и остался с дурным известием в руках и со смутной надеждой в сердце на новое, лучшее посольство.

Кажется, трудно в образной форме передать лучше те чувства, какими жила и в массе живет еще и ныне человеческая душа. Смерть и рождение проходят перед ней как звенья бесконечной цепи. «Ты вернулся», – говорят дикари при виде сына, родившегося по смерти отца, но мысль рано подсказывает, что этот потомок – не воскресший родитель, а другая, самостоятельная, личность, претендующая на личное же бессмертие. Бессмертие рода, как ни высоко стоит оно в культовом отношении, все же не способно утолить жажду бессмертия индивидуального, не приносит вести о том, что не умрет человек. Один лишь месяц сполна владеет этой тайной личного бессмертия. Его пепельная душа недолго парит без своего световидного тела, – проходит немного времени и он снова облекается в него, вновь и вновь воскресает для жизни, воскресает не в сыне, не в потомке, а в собственной обновленной плоти. Вот весть о личном воскресении, непрерывно струящаяся с небесной высоты, но по лицу земли она ползет холодным, обманчивым сиянием, точно ленивый хамелеон, на зем-

ных предметах она играет неверными беглыми зайчиками, и не жизнь, а смерть глядит отовсюду впадинами черных, глубоких теней. Посланцы дурно передали завет месяца.

Но напрасно они со всех сторон кричат человеку: ты умрешь. Взором полным надежды смотрит он прямо в лицо пославшему, ловит лучи его прежде, чем они разбились о землю, и чувствует, что они несут ему иную весть, она не доходит до его сердца в ясном виде, она заглушена враждебным шумом, раздающимся вокруг, но он знает, что если этот шум смолкнет, голос истины скажет ему правду, он знает даже, что скажет ему этот голос.

Смерть, между тем, ясно торжествовала: проходили века и тысячелетия, люди рождались и умирали, но каждая новая могила не только не вливала в душу новые капли отчаяния, грозившие переполнить меру ее терпения и веры, напротив, чем дальше, тем все пышнее справлялись погребальные обряды, тем больше забот прилагалось к тому, чтобы обеспечить телу загробный покой. Тризны сменялись тризнами, дни поминовения включались в годовой круг праздников, ширились и украшались гробницы, искусство сохраняло для потомства черты дорогих покойников; уже в самом конце древнего периода и в самых скептически настроенных шумных центрах просвещения возникли знаменитые «*collegia funeratica*», товарищества гробокопателей, обеспечивавшие достойное погребение всем, даже самым бедным. Даже когда люди гибли массами, как, например, на войне. И тогда было святотатством оставить тела не погребенными, и мы помним историю с победителями при Аргенузских островах, которых соотечественники едва не казнили за то, что в пылу битвы оставили в море тела павших братьев. Земное благосостояние, обеспеченное победой, было оставшимся родным менее необходимо, чем загробный покой мертвых, неразлучный с покоем их тел. Эти тела тлели и распадалась в прах еще на глазах живых, — люди пошли на помощь смерти и тлению, они стали сжигать тела или давали их на съедение птицам, но пепел и кости, собранные в урны, хранились так же заботливо, как и набальзамированные трупы. Если тело пропадало на чужбине, и его невозможно было достать, — родные на родной стороне хоронили призрак, ставили гробницы без праха и знали, что и это доставляло почившему вечный покой. Нужна была вечная память, она обеспечивала реальность за гробом, но для этого нужна была хотя бы крупинка осязаемого, хотя бы одно имя, написанное или благоговейно передаваемое из рода в род. Это было семя, из которого вырастала вся посмертная жизнь души, эта крупинка праха облекала плотью эту душу. Но как же тонка должна была быть эта плоть! В самом деле, душа по смерти и была только тенью, и лишь пища приносимая на могилу, на время оживляла и оплотняла ее. Одиссей в преисподней нашел душу матери, но бледная тень сидит немая и в забытии. Голос прорицателя учит Одиссея, как пробудить ее:

«Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови непустишь...
К крови приблизилась мать, напилась и сына узнала»¹.

Тайна неба теперь достигла земли: как я (месяц) умираю и вновь возрождаюсь, так и ты (человек) умрешь и вновь возродишься, воскреснешь в том же лице и в прежней плоти, только преображенной, благоуханной, царственной, подобной световидному телу месяца.

Когда небо увидело, что многие сердца уже готовы принять весть о ценности и бессмертии тела, и только гордость перед этим телом мешает принять ее и остальным, оно оставило гордых бродить по распутьям и послало нового верного вестника к тем, кто готов был

¹ Одиссея 11, 146–149, 153.

благоговейно приблизиться к плоти и праху, с чистым сердцем стать на утренней страже их воскресения... Месяц и солнце приготовили эти сердца к принятию радостной вести, и теперь их поучала маленькая звезда.

«Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою. И, войдя в дом, увидели младенца с Мариєю Матерью Его и, падши, поклонились Ему, и открыв сокровища свои. Принесли Ему дары, золото, ладан и смирну», – дары, которыми и при жизни и по смерти украшались, цвели и благоухали царственные тела.

Но младенец этот был и великий избранник, он был отобран из четырнадцати тысяч новорожденных жизней: такого отбора никогда не видало и римское озеро. Египет укрыл его от смерти под сень своих гробниц и хранил его живое юное тело так же заботливо, как и своих тысячелетних мертвецов. Это тело было сосудом благодатных даров: оно чудотворило своим брением, дыханием, одеждами, его голос будил усопших, от него исходил ослепительный свет. Его лицо дышало любовью ко всем скорбящим и уничиженным, но, когда любовь уничиженных омывала Его ноги драгоценным миром, Он ставил эту трату мира выше других дел любви. Это было начало его погребения. Но сперва это тело еще долго страдало, было изъязвлено, лишено вида и величия. В те дни полный, воскресший месяц стоял над землей, весеннее солнце становилось все ярче, но и оно померкло в предчувствии славы грядущего воскресения. Смерть его была бессловесна, но его гроб был с богатыми, – чистая плащаница и сто литров смирны и алая, – это было только преддверием его погребения: по миновании субботнего покоя новые благовония готовы были излиться на него... Оно могло долго оставаться нетленным и благоуханным, – оно стало таким навсегда. Напрасно в то памятное утро людская любовь искала его «между мертвыми» – там оставались лишь пелены и сударь. Само оно стояло пред учениками живое, как прежде, они осязали его кости и плоть, которых «дух не имеет», вкладывали персты свои в раны, которых боится гордая языческая красота; оно принимало пищу, его язык учил тайнам Царствия Божия, но все это – и кости и плоть – проходили сквозь запертые двери, исчезали и вновь появлялись и, наконец, поднялись на небо, чтобы тем же образом явиться снова в конце дней... Это было также новое, славное тело, и, свободное над пространством и временем, оно и вознесшись на небо не покидало земли. Земной хлеб и вино – пища и жизнь человеческого тела – силою Его победного Имени, становились истинной плотью и кровью Его и питая тела веривших Его воскресению, делали их причастными Его вечной славе... Это было тело Церкви, которого главой был Первенец из мертвых, а членами – сыны воскресения.

Кончилась борьба весен и зим: вечная весна цветет в сердце верующих в воскресение первое и чающих воскресения грядущего. Печатью этой веры и этой надежды запечатлена вся жизнь Церкви за все долгие века ее земного существования.

Эта весть о вечной весне достигает и до нас и достигает новым, дивным путем. В Риме, в том самом Риме, где некогда люди так строго отбирали тела, достойные жизни, теперь открываются другие тела, избранные для новой лучшей жизни. Из глубины катакомб, из подземных могил, куда много веков не заглядывал человеческий глаз, выходит на дневной свет наших будней вечно-праздничная Церковь апостольских дней. Изумленно смотрит на нее протестантство: религия чистого духа и непосредственного богообщения, считающая себя прямой наследницей апостольских заветов, она видит перед собою не протестантский приход, объединенный общностью веры в Распятого и чуждый всяких следов религиозного «материализма», – перед нею Церковь икон, мощей, святых, Церковь Божией Матери Заступницы, как называет Ее св. Ириней, царственной Оранты катакомб. Церковь пресущественного тела и крови, – Божественных членов («*coelestia membra*»), Церковь молитв за усопших, живая Церковь живых... Но взором дочери смотрит на нее соборная вселенская Церковь. Ведь она – плоть от плоти и кость от костей этой катакомбной апостольской Церкви, она только приподнялась над землей, из земли, когда кончились дни гонений. Как остроконечная

травка из посеянных семян, пробуравившая землю, поднялись ее купола и колокольни золотистой Божией пшеницей; теплым ветром, волнующим нивы, стелется по ней праздничный благовест, но корни ее неподвижно крепнут в земле...

Ее алтари стоят над мощами, лики святых глядят отовсюду, храм полон ладана, ликует в песнопениях... Водой крещения оmyвает Церковь своих чад, мажет тела их миром и елеем, благодатным таинством зовет их брачный союз, подводит их к святой чаше, питает истинным телом и истинною кровью Господа, – продолжает и на земле то же делание, которое некогда совершала в подземельях, над гробами мучеников, чему научилась у первого, благоуханного гроба, где лишь на недолгое время забылся сном смерти Начальник ее жизни и ее Глава.

Как Я умер и воскрес, так и ты, человек, умрешь и вновь возродишься, – этим новым заветом Солнца и правды живет ныне человек, некогда веривший месяцу.

(из книги Ф. Андреева «Тело будущее». Сергиев Посад, 1914)

Представление древнего мира о воскрешении тел

История представляет нам человека везде и всегда в заботах, в беспокойстве о своем будущем. Человечество всегда задумывалось и над колыбелью дитяти и над гробом старца и всегда устремляло свой взор за пределы этого тесного пространства.

Везде ставился и ставится вопрос о будущем, везде слышался и слышится ответ на него; только ответ этот бывает различным в зависимости от степени развития мысли и образованности.

Из всех предметов, которые познает человек, нет ничего сокровеннее для его ума, как будущая жизнь; из всех вопросов о будущей жизни никакой не смущает человеческого разума настолько, как вопрос о воскрешении тела.

Как же решал и решает человек этот трудный вопрос?

Вот что представляет нам на этот раз древний языческий мир.

В поэтических представлениях народной фантазии Греции мы видим мрачный взгляд на тело человеческое. Улисс – герой поэм Гомера, желает беседовать с умершими.

Своим мечом копает он ров и наполняет его жертвенною кровью. Повинуясь силе таинственного заклинания, приходят одни с другими бледные тени и, отведавши черной крови, начинают говорить. Между ними Улисс узнает свою мать.

«Увлеченный (говорит герой) сердцем, обнять захотел
Я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тенью или сонной мечтой, из меня вырывая стенанье».
И потом на вопрос Улисса тень отвечает:
«Милый мой сын, злополучнейший между людьми...
Такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
Все, лишь горячая жизнь охладевшие кости покинет:
Вовсе тогда, улетевши как сон, их душа исчезает».

В поэмах Гомера, в мысли древних греков есть будущее для человека; но это будущее состоит в том, что тело истребляется огнем, а душа, делаясь тенью, блуждает в вечном мраке. Впрочем, такой мрачный взгляд на будущее мало-помалу скрашивается греческим воображением, но и у самых лучших философов греческих мы находим самый мрачный взгляд на человеческое тело.

Так, например, Сократ, определяя, что такое смерть, согласно с общим убеждением, почитает ее лишь отрешением души от тела, на которое смотрит, как на преходящую оболочку души.

Показывая отличительные черты истинного философа, он говорит, что «достойный своего имени мудрец, стараясь понять истину, во всю свою жизнь более и более отрешается от тела, потому что тело своими чувствами закрывает от него истину и, требуя заботливости о себе, отвлекает его от понимания. Не это ли отрешение души от тела называется смертью?.. Занятие философа в том и состоит, чтобы отрешать душу от тела; поэтому ему понятно, что такое смерть».

Если перенесемся мыслью в обширные пространства Индии, Тибета, Китая, прислушаемся к голосу браминов, ученых буддистов и ученых китайцев, отсюда мы вынесем еще

более грустные впечатления. «Жизнь есть долгая ткань скорбей и бедствий, учили там; спасение состоит в том, чтобы не жить; глубокий, непробудный сон лучше всякого здешнего счастья. Самое лучшее желание – как можно скорее прекратить отправления человеческого тела, уничтожиться, заснуть, потерять чувство своих бедствий, лишившись самопознания».

Вопрос о воскресении тела – почти единственный вопрос, о котором ни думало и ни гадало человечество. Понятно, какое впечатление должна была произвести проповедь о воскресении тела на людей, никогда прежде не слышавших о нем. В Афинах, где раздавались речи Демосфена и Эсхила, среди возбуждавших удивление храмов и статуй ходит апостол Павел. По площадям и портикам он проповедует о Распятом, Который открыл Единого Истинного Бога, Который далеко превосходит идеалы Платона. Проповедь апостола слушают любознательные афиняне... Но лишь начал апостол проповедовать о воскресении мертвых, лишь сказал: «будет воскресение мертвых, праведных и неправедных», как слушавшие его философы тотчас же засмеялись над ним, считая его учение бесцельным, а некоторые пожелали слушать его учение о воскресении в другое время, т. е. сделали вежливый намек на прекращение проповеди о таком, как им казалось, нелепом учении.

Но что казалось нелепостью языческим мудрецам в данном случае, то составляло предмет веры Церкви Христовой с самого начала ее до настоящего времени.

В чем же состоит учение Церкви о воскресении тела?

Три главных вопроса выступают здесь на первом плане: возможно ли воскресение человеческого тела и, если возможно, то какая цель его?.. Если же есть и цель, и возможность воскресения, то в каком состоянии будут находиться наши тела по воскресении?

На эти вопросы ответим словами Писания.

Что воскресение тел возможно это очевидно, если взять во внимание всемогущество Божие.

Когда саддукеи отвергали воскресение мертвых, Иисус Христос прямо сказал им: вы прельщаетесь потому, что не знаете силы, т. е. всемогущества Божия (Мф. 22, 29). Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день (Ин. 6, 54). Кроме того, Иисус Христос сам делом показал возможность воскресения тел, когда действительно воскрешал мертвых еще в дни служения своего на земле, воскресил в минуты смерти своей телеса многих святых в Иерусалиме и, наконец, воскрес сам.

Развивая учение Спасителя, апостолы в основание возможности воскресения мертвых полагали тоже всемогущество Божие: «Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею» – учил апостол Павел (1 Кор. 6, 14).

Когда в первые времена христианства эта возможность для некоторых казалась странною и непонятной, отцы и учителя Церкви обращали внимание каждого на самые опыты всемогущества Божия в природе. Вот что говорит на этот счет Тертуллиан: «Все в природе возобновляется; все в ней тогда же начинается, когда окончилось, – и для того, и для того оканчивается, чтобы начаться. Ничто иначе не погибает, как только для жизни. Все, в мире так преобразующееся свидетельствует о воскресении мертвых. Бог открыл это еще прежде в сотворении, чем в письмах; прежде проповедал своим могуществом, чем гласом».

Он предпослал человеку наставницу природу, когда только еще намеревался послать пророков. Действительно, мы видим, что в природе все устроено Богом так, что смерть одной какой-нибудь твари с тем вместе служит началом жизни для другой, и большею частью – лучшей, совершеннейшей. Насколько совершеннее, например, многолиственное дерево в сравнении с тем зерном, по гниению которого оно получает начало своего бытия!

Какая же цель воскресения человеческого тела? Есть ли какая-то необходимость в этом воскресении?

После славной победы над смертью торжество Победителя смерти довершится правосудным воздаянием – «каждому по делам его» (Рим. 2, 6). Для правосудия Божия не воз-

можно погрешать в своих определениях. Но каким образом правосудный Судья произнесет свой последний приговор, когда одна душа без тела не есть еще полный человек? По учению Св. Писания, тело существенно необходимо человеку для полного существования: оно есть орудие духа. Если правосудие Божие должно воздать каждому за все, что было сделано им во время земной жизни, то оно должно воздать не одной только душе человека, но и телу, как соучастнику в действиях души. Нет нужды доказывать здесь, что тело действительно участвует в душевных действиях, – и участвует притом не как какое-то мертвое орудие в руках художника, а как нечто теснейшим образом соединенное с душою. Ясная для всякого эта истина приводит нас к тому заключению, что ни тело без души, ни душа без тела не составляют вполне развитой человеческой природы. Имея в виду, таким образом, с одной стороны правосудие Божие, с другой – свои действия и причину их, мы не можем не верить словам апостола: «ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить [соответственно тому], что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2 Кор. 5, 10). Наш отечественный оратор Св. Димитрий Ростовский довольно характерно рассуждает о воскресении тела. Он представляет спор души с телом о том, душа или тело виноваты в совершенных на земле преступлениях. «Речет, – говорит он, – душа к телу: проклято ты окаянное тело, яко любостластием твоим греховным прельстило мя еси, и в беззакония лютая ввело мя еси. Речет тело к душе: проклята ты, окаянная душа моя, яко ты зле управляла мя еси, и разумом твоим от Бога тебе данным, аки браздами и уздою, от злых дел не воздержала мя еси: но во всем мне соизволяла еси: и аще когда возжелало я коего греха, ты соизволила и содействовала еси: и купно прогневали Создателя нашего Бога. Речет и еще душа: горе тебе, окаянное тело мое, яко озлобляло еси ближнего, грабило, похищало чуждая, крало и убивало. Тело же в ответ говорит: Горе тебе, окаянная душе моя, яко во всем том ты споспешествовала ми еси; во всем наставник и друг была ми еси, и ничто же без тебя творих еже творих. Так обои друг с другом препирающиеся, и одно другого укоряюще и кленущее, извлечены будут принять по делам своим осуждение».

Таким образом, душа и тело вместе должны понести заслуженное наказание. В самом деле, у нас много таких дел, которых ни душа без тела, ни тело без души сделать не может.

Учим ли мы других делать добро или зло, помогаем ли ближним или обижаем их, мы делаем это при помощи телесных органов. А если душа и тело действуют вместе, то вместе они должны быть и награждены и наказаны.

Вот как рассуждает об этом Афинагор, христианский философ II века: «Не может быть, – говорит он, – чтобы одна душа получила возмездие за то, что сделала вместе с телом; ибо она сама по себе не была бы причастна тем грехам, которые происходят от чувственных удовольствий. Также и одно тело не должно принять возмездие за все дела, потому что оно равно покоряется силе законов природы, как и силе рассудка; но за всякое дело должен получить воздаяние весь человек, состоящий из души и тела. Если тела не воскреснут, то не будет оказано божественного правосудия ни телу, ни душе. Телу не будет оказано правосудия потому, что оно не получит ни малейшей части в наградах души за те труды, в перенесении которых весьма много участвовало; и душе не будет оказано правосудия, так как она одна понесет наказание за многие грехи, которых не совершила бы, если бы не была в соединении с телом».

Много можно найти подобных суждений и у других защитников христианства, и все они, согласно с учением Православной Церкви, утверждают, что в день Страшного Суда тело наше необходимо воскреснет, чтобы вместе с душою принять по делам достойные награды или наказания.

В каком состоянии будут находиться воскресшие тела; какого будут качества и те ли же самые, какие имеют люди на земле?

Что воскресшие тела по существу своему будут те же, какие соединены были с известными душами в продолжение настоящей жизни, это само собою вытекает из понятия о воскресении, которое, конечно, означает не образование или сотворение чего-либо нового, а восстановление и оживление того же самого, что умерло. Иисус Христос, показавший пример воскресения, воскрес в своем собственном теле (Ин. 20, 25–27); в Св. Писании говорится, что «все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия» (Ин. 5, 28) и, услышав, оживут; следовательно, воскреснут те тела, которые погребаются. Впрочем, будучи по существу те же самые, тела по свойствам своим будут весьма отличны от настоящих. Так они не будут иметь той грубости, какую имеют на земле. Воскресшие тела будут тонкие, световидные, по подобию воскресшего тела Иисусова, так как апостол Павел говорит, что мы «облечемся тогда в образ небесного человека» (1 Кор. 15, 49) т. е. Иисуса Христа.

Частные свойства воскресших тел апостол определяет так: «сеется (т. е. умирает) тело душевное, восстает тело духовное, сеется в тление, восстает в нетлении, сеется не в честь, восстает во славе, сеется в немощи, восстает в силе. Подобает бо тленному сему облечься в нетление, и мертвенному сему облечься в бессмертие (1 Кор. 15, 42–44, 53); т. е. воскресшие тела наши будут приспособлены к тогдашнему состоянию нашего духа – и будут нетленны, неразрушимы и бессмертны.

Обратимся к тем возражениям, которые существовали и существуют против догмата о воскресении тел.

На 5-м Вселенском Соборе был осужден Ориген. Из актов Собора видно, что Ориген был осужден, между прочим, за неправославное учение о воскресении тел. Как же он учил?

Он думал, будто не воскреснет настоящее тело человека, в каком он живет и действует на земле, но душа его будет иметь в будущей жизни новое, эфирное тело. Какие же основания были у Оригена и его последователей для подобного учения?

Вот система учения оригенистов, если только их частные мысли, встречаемые в разных сочинениях, можно привести в какую-либо систему: «Тело не есть естественная принадлежность человеческой природы. Бог сотворил человека сначала бесплотным, а потом уже, когда человек пал, Бог облек его плотью, и связал его, как узами, в наказание.

Ризы кожаные, которые, по словам Бытописателя, даны были падшим прародителям, и означают собственно их тела. Если человек связан телом, как узами, то тело отягощает душу, омрачает ум и не дает видеть всего существующего в ясном свете. Только без тела душа может ясно сознать существующее и оставаться безгрешною; таким образом, тело есть главная причина греха. Очевидно, тело не может пребывать среди мира бесплотного; для него необходим земной, чувственный мир, как для рыбы вода; а между тем в будущей жизни все чувственное и земное истребится.

Да и странно было бы думать, что воскреснет то тело, которое при жизни своей постоянно пребывает и убывает, так что у мужа, или старца, оно уже совсем не то, что было в младенческом их возрасте, а по смерти, разлагаясь на составные части, входит в состав других тел, из земли в растения, из растений в тела животных, и потом опять в плоть человеческую, – каким образом опять могут быть соединены разложившиеся части тела? Если и останется что-нибудь в будущей жизни от человеческого тела, то разве один только вид его, – тело духовное, т. е. та постоянная основа его, которая всегда пребывает одинаковою, при непрерывной изменяемости составных его частей, подобно тому, как мех, наполненный водою, сохраняет свою форму, хотя бы вода, в равной мере истекая и вливаясь, переменалась в нем». Вот суть учения оригенистов.

Первые положения его очевидно ложны. Никакого права мы не имеем думать, что человек сотворен бесплотным и нет никакого основания под кожаными ризами понимать тело человека. Последователи Оригена противоречат сами себе, когда, с одной стороны, считают тело причиной греха, а, с другой, утверждают, что человек облечен телом – кожаными ризами

в наказание за грех. Если бы тело было причиною греха, то Адам, конечно, согрешил бы уже после того, как даны ему ризы кожаные. Далее, в будущей жизни, говорят, не может быть ничего телесного. Напротив, из Св. Писания нам известно, что мир видимый вовсе не погибнет, а будет только очищен огнем. Если апостол Павел говорит: «проходит образ мира сего» (1 Кор. 7, 31), то этим выражается только изменение мира на лучшее состояние, – «проходит», сказано «образ мира сего», а не самый мир. И люди по воскресении не изменятся в Ангелов, как думал Ориген, потому что в таком случае для Бога лучше было бы создать прямо Ангелов, а не людей. Если Христос и сказал: «в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Мф. 22, 30), то сказал: «как Ангелы», а не прямо – Ангелы. А это две вещи разные.

Серьезное возражение последователей Оригена – каким образом может воскреснуть тело, в продолжение жизни несколько раз переменяющееся и по смерти входящее в состав других тел? Это возражение то же самое, какое делают в настоящее время материалисты. Вот положения материалистов: «в природе совершается непрерывное и никогда не нарушаемое движение атомов. Из почвы получает свою пищу растение, служащее в свою очередь пищею для человека или для животного, которое съедается человеком и таким образом преобразуется в человеческое тело. Очевидно, частицы материи земного шара беспрестанно переходят из одной формы в другую. Ныне живущие существа состоят из тех же составных частей, из каких состояли существа, жившие назад тому несколько тысяч лет».

При поверхностном рассмотрении этого факта, на ум приходит самая странная мысль. Если сказать, например, что полено, которое вы бросили в печку, заключает в себе, может быть, какую-нибудь частицу кедра из Соломонова дворца, или что такой-то современный человек в волосах своей бороды носит те же атомы, которые выделились из волос Ахилла; конечно, такие предположения покажутся недостойными внимания; однако ими, хотя и в странной форме, выражается неоспоримый результат науки.

Опираясь на то, что частицы материи переходят из одного организма в другой, материалисты спрашивают: что будут делать души в минуту воскресения, – как они станут отыскивать свою оболочку, которую они сбросили, когда одни и те же частицы преемственно принадлежали множеству душ?

Как ответить на это?

Для людей религиозных достаточные ответы можно найти у Тертуллиана и в особенности у Мефодия Патарского: «Пусть, – говорит Тертуллиан, – будут смешаны различные семена растений и сии различные семена растений будут находиться в одной горсти твоей: для тебя, человека, трудно ли, или, напротив, легко различить, что находится в твоей горсти, и семена каждого растения по свойству их отделить, и дать им свое место, чтобы росли? Так ты можешь различить и привести в прежнее состояние, что находится в руке твоей; а Бог ужели не может различить и привести в прежнее состояние, что содержится в горсти Его?»

«Если, – говорит Мефодий Патарский, – человек своим искусством может разделить слияние золота и серебра или других каких составов, то тем более Бог, создавший человека из ничего, своею непостижимою премудростью может отделить плоть человеческую от земли и не допустить ее разделиться по другим вещам».

Что разложившиеся части человеческого тела могут быть отделены от земли, Св. Мефодий доказывает явлениями природы, где естественным образом совершаются самые поразительные отделения одного вещества от другого. «Чистая и свежая вода речная, – говорит он, – несмотря на то, что в море смешивается с водою соленою, испаряясь, получает прежнее свое качество».

Материалисты, конечно, не обратят внимания на слова Тертуллиана и Мефодия Патарского. Поэтому им нужно ответить иначе.

Та наука, в которую они веруют, говорит не одно только, что разрушающееся тело уступает свои частицы другим организующимся формам, а вместе утверждает и то, что материальные частицы тела всецело возобновляются в продолжение жизни. Через 20 лет в теле человеческом нет уже ни одной из частиц, которые были прежде; однако тело свое мы считаем одним и тем же. Что же это значит, что тело всегда остается тождественным себе, несмотря на постоянное возобновление всех его частиц? Наше тело есть то начало человеческой жизни, которое обладает силою владеть элементами материи, давать им форму и жизнь, совлекать их в известное время, чтобы отдать их в общее обращение, приняв в себя новые элементы. Это-то начало тесной связью связанное с душою, и есть единое и пребывающее тело. Вот чему учит наука, хотя еще прежде науки апостол Павел ясно высказал это, когда говорил о зерне, которое, умирая, дает жизнь растению, в котором однако уже нет ни одной из частиц самого семени. «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело (1 Кор. 15, 35–38).

Остается еще упомянуть о том положении последователей Оригена, будто в будущей жизни, если и останется что-нибудь, то разве только вид тела. Мы никак не можем понять – каким образом возможно представить себе вид или образ тела отделенным от самого тела? Известно, что образ всякого тела погибает прежде, чем самое тело, например фигура разбитой статуи погибает прежде самого вещества. Вероятно, это и заставило последователей Оригена признать воскресшее тело духовным, только подобным действительному, но ведь это, значит, допускать не воскресение, а образование или творение нового тела, потому что подобное не то же самое.

(из книги архимандрита Модеста (Никитина Т. Н.)

«О воскресении тел человеческих». М., 1913)

Доказательства возможности воскресения

Ко всякому учению, являющемуся истинным, прирастает нечто ложное. Причиной этого является не какое-либо естественное начало, а нарочитое искажение истины. В этом можно убедиться на примере некоторых, занимавшихся в древности философскими исследованиями. Такие люди ни одной истины не оставили не оклеветанною: ни существа Божия, ни Его ведения, ни деятельности, ни всего того, что с этим связано и предписывает нам образ благочестия. Одни совершенно и решительно отвергают истину в этих предметах, другие извращают ее по своим воззрениям, а третьи стараются подвергнуть сомнению самое очевидное. Поэтому необходимо иметь два рода доказательств: одни (непрямые) – в защиту истины для неверующих или сомневающихся, а другие (прямые) в подтверждение истины для благомыслящих, охотно принимающих истину. Следовательно, желающие рассуждать об этих предметах должны соотносить и сами доказательства, и порядок их с конкретной ситуацией. Конечно, в отношении к естественной последовательности, доказательства прямые, подтверждающие истину, должны предшествовать доказательствам непрямым, защищающим истину; но что касается большей пользы тех или других доказательств, то наоборот, не прямые должны предшествовать доказательствам прямым. Так земледelec не может с пользою бросать в землю семена, если наперед не очистит ее от трав диких и вредных для бросаемых добрых семян. Так и говорящий истину не может убедить никого, пока какое-нибудь ложное мнение господствует в уме слушателей и противится словам его. Поэтому, для большей пользы, и мы иногда излагаем доказательства истины не прямые прежде тех, которые прямо подтверждают истину. Таким же образом поступить я нахожу небесполезным в рассуждении о воскресении. Потому что даже касательно этого предмета одни совершенно не веруют, другие сомневаются, и что всего безрассуднее, при этом они не имеют никакого повода к неверию, и никакой основательной причины, по которой они не веруют или колеблются.

Будем рассуждать так. Бесспорно, не всякое неверие не имеет под собой иного основания кроме предубеждения, но иногда происходит от осторожности в изыскании истины: оно имеет справедливое основание, когда сам предмет, которому не веруют, представляется невероятным; но не верить тому, что само по себе не является невероятным, свойственно людям, не имеющим здравого суждения относительно истины. Итак, неверующие или сомневающиеся касательно воскресения, должны или допустить происхождение людей без всякой причины, – а это весьма легко опровергнуть, – или, полагая причину существующего в Боге, смотреть на этот догмат как на начало, и из него доказывать, что воскресение не имеет никакой вероятности. А это они сделают, если будут в состоянии доказать, что Бог или не может или не хочет тела мертвые и их части опять соединить и собрать так, чтобы вышли те же самые люди. Если же они это не могут, то пусть отстанут от такого безбожного неверия и не кощунствуют над тем, над чем не должно. Ибо утверждают ли они, что Бог не может, или что Он не хочет этого, – в том и другом случае они говорят неправду, как видно будет из нижеследующего.

Невозможным для кого-нибудь является дело, если он или не знает, как его сделать, или не имеет достаточной силы хорошо исполнить то, что знает. Но Бог не может не знать природы имеющих воскреснуть тел, целых ли членов или их частей, не может не знать, куда поступает каждая частица по разрушении тел и какая из стихий приняла каждую частицу, разрушившуюся и соединившуюся со сродным себе. Ибо Тот, Который еще до сотворения знал природу будущих стихий, из которых должны произойти тела человеческие, – Тот, очевидно, и после разрушения целого тела не может не знать, куда поступила каждая из частиц, употребленных Им для полного образования каждого тела.

Само происхождение тел доказывает то, что могущества Божьего достаточно для их воскресения. Ибо если Бог в первоначальном творении создал не существовавшие тела человеческие и начала их, то Он и разрушившиеся воскресит с такою же легкостью, так для Него и это равно возможно. Творцу свойственно извлечь и присоединить опять к телам и то, что расхищено животными, питающимися телами, если оно поступило в одно животное, или во многие, или из них в другие, или вместе с ними разрушившись, разложилось, обратившись в первые начала. Это особенно смущает некоторых, даже из мудрых, которым почему-то кажутся сильными такие недоумения, представляемые толпою.

Обычно говорят, что тела погибших при кораблекрушениях делаются пищей рыб, многие тела умерших на войне или по какой-либо другой причине лишенные погребения пожираются животными. Когда таким образом тела истребятся и составляющие их части распределятся по многим животным, и соединятся с телами питающихся: то, говорят, невозможно их отделение. И кроме того, некоторые из животных, напивавшихся телами человеческими, годны в пищу людям. Они соединяются с телами потренивших их, тогда и части людей, съеденных животными, поступают в тела других людей. Далее говорят о случаях людоедства, об известной мидийской трапезе, о трагических вечерах Фиеста, и приводят другие подобные несчастные случаи, происходившие у эллинов и варваров. Этим доказывают, как они думают, невозможность воскресения, так как невозможно, чтобы одни и те же части воскресали вместе с теми и другими телами, – но или тела первых из них не могут составиться, когда части, из которых они состояли, перешли к другим людям, или, если эти части возвращаются к первым телам, тела последних будут неполными.

Но такие люди, мне кажется, не понимают могущества и премудрости Создателя, Который не всякому веществу предоставил входить в соединение или смешение со всяким телом, и не затрудняется в отделении того, что соединилось, и все допускает или изменяет по Своей воле и сообразно с Своей целью.

Тела человеческие не предназначены в пищу ни одному животному, им, по достоинству природы, определена могила только в земле. А противоестественное никогда не может поступить в пищу нуждающимся в ней членам, а не поступившее в пищу не может соединиться с тем, чего оно не питает, значит и тела людей никогда не могут соединиться с подобными им телами, для которых эта пища противоестественна, хотя нередко проходит через их чрево по какому-нибудь ужасному несчастию; не имея питательной силы и рассеявшись по тем частям вселенной, от которых получили первоначальное свое происхождение, вещества тел соединяются с телами поглотивших их на время; потом же они опять отделяются от них премудростью и силою Божьей. И соответственно природе соединятся при воскресении каждое со своим, даже если были они сожжены огнем, или сгнили в воде, даже если были поглощены зверями, даже если иной член, отторгнутый от целого тела, разложился прежде прочих членов. Соединившись опять друг с другом, они займут прежнее место, чтобы составить то же тело, и дать новую жизнь тому, что умерло и совершенно разрушилось.

Даже не хочется останавливаться на доводах прибегающих к делам человеческим, которые говорят, что люди не могут возобновить свои произведения, если они разобьются, повредятся или обветшают от времени, которые на примере горшечников или ваятелей стараются доказать, что и Бог не желает, а если бы и желал, то не может воскресить умершее и разрушившееся тело. Эти люди не понимают, что этим рассуждением они тяжким образом оскорбляют Бога, ставя на один уровень силы совершенно различных существ, считая искусственное наравне с естественным. Останавливаться на этом стыдно; безрассудно опровергать мысли поверхностные и пустые. Гораздо приличнее и всего справедливее сказать, что невозможное у людей возможно у Бога (Лк. 18, 27; Мф. 19, 26). Посредством этого весьма уместного соображения вместе со всеми вышеизложенными разум доказывает, что воскресение тел дело возможное, значит оно не невозможно для Бога.

Говорят еще, что воскресение тел не угодно воле Его. Неудобно Богу бывает неудобно Ему или как несправедливое или как недостойное. Несправедливость можно усматривать или по отношению к самому смеющему воскреснуть, или по отношению к кому-нибудь другому. Но, очевидно, что воскресение не делает несправедливости никому из посторонних существ, которые считаются в числе существующих. Духовные существа не будут обижены воскресением людей, – ведь воскресение людей не послужит ни препятствием для их бытия, ни вредом, ни оскорблением. Так же не будут обижены ни бессловесные животные, ни бездушные твари; ибо эти и не будут существовать после воскресения; а в отношении к несуществующему невозможна несправедливость. Если даже кто допустит, что и они будут всегда существовать, то и тогда они не получают обиды от возобновления тел человеческих. Если бы даже они имели голос, то не стали бы обвинять Создателя, будто они несправедливо унижены пред людьми тем, что не удостоены одинакового с ними воскресения – ведь существам, у которых природа неодинакова, Справедливый не может дать и конец одинаковый. Кроме того, у кого нет никакого понятия о справедливости, у тех не бывает и жалобы на несправедливость. Так же нельзя сказать и о несправедливости по отношению к самому человеку воскрешаемому. Человек состоит из души и тела, и в воскресении нет несправедливости ни по отношению к душе, ни по отношению к телу. Никто рассудительный не скажет, что будет обижена душа; иначе он вместе с тем отвергнет и настоящую жизнь (если ныне, обитая в тленном и подверженном страданию теле, она не терпит от этого несправедливости, тем более для нее не будет обиды, когда станет обитать в теле нетленном и чуждом страдания). Да и тело, если ныне оно тленное, существуя вместе с нетленным, не терпит обиды, то очевидно, само сделавшись нетленным и существуя вместе с нетленным, этим не будет обижено.

Нельзя сказать и что воскресить и составить разрушившееся тело – дело, недостойное Бога. Потому что если было достойно Его создать тело худшее, тленное и подверженное страданию, то тем более не недостойно Его создать лучшее тело – нетленное и чуждое страдания.

Таким образом, я доказал посредством основных истин и вытекающих из них следствий каждый пункт нашего исследования, и стало ясным, что воскресение разрушившихся тел есть дело и возможное, и удобное, и достойное Создателя. Это же доказывает ложность противного мнения и неосновательность доводов людей неверующих. Не нужно ли сказать, что то, что Бог может сделать, Ему и желательно; и удобное Богу непременно возможно и сообразно с достоинством желающего?

Теперь же нужно доказать истинность учения о воскресении на основании причины, по которой произошел первый человек и потомки его, на основании общей природы всех людей и на основании будущего суда, который произведет над ними Создатель за все время жизни каждого из них и за всякие действия.

Доказательство на основании причины. Рассмотрим, случайно ли и напрасно сотворен человек, или для чего-нибудь; если для чего-нибудь, то для того ли он сотворен, чтобы ему жить и оставаться в своей природе, или для пользы кого-нибудь другого; если для пользы другого, то для пользы ли Самого Создателя или кого-нибудь из близких к Нему и удостоившихся большего попечения. Рассматривая это общим образом, мы находим, что всякий благоразумный и приступающий к какому-нибудь действию, если действует с намерением, то не делает напрасно ничего, но или для собственной пользы или для пользы кого-нибудь другого, о ком он заботится, или для самого дела, к которому он побуждается каким-либо естественным влечением.

Бог, конечно, сотворил человека не напрасно, – ибо Он премудр, а никакое дело премудрости не бывает напрасно, – и не для собственной пользы; ибо Он ни в чем не нуждается (Деян. 17, 24–25); Тому, Кто ни в чем не нуждается, ничто из созданного Им не может

служить к собственной Его пользе. Также и не для кого-нибудь из созданных Им творений Он сотворил человека. Разум не находит какой-нибудь пользы, которая была бы причиною сотворения людей, ни для бессмертных существ, ни для бессловесных животных. Бессмертные существа не имеют ни в чем недостатка и не нуждаются для своего бытия ни в каком содействии людей, а животные по природе своей подвластны людям, а не созданы для того, чтобы пользоваться людьми, ибо несправедливо употреблять начальствующее и управляющее на служение низшим, или разумное подчинять неразумному, неспособному к начальствованию. Итак, если человек сотворен не без причины и не напрасно, – ибо ничто из сотворенного Богом не напрасно, и не для пользы Самого Создателя или кого-нибудь другого из творений Божиих, то очевидно, что, если смотреть на первую и общую причину всех вещей, Бог сотворил человека ради себя самого, ради благодати и премудрости, созерцаемой во всех созданиях. Если же рассматривать причину ближайшую к сотворенным людям, – для жизни самих сотворенных, и притом для жизни, которая не на краткое время возжигается, а потом совершенно угасает. Такую жизнь, по моему мнению, Бог уделил животным; а тем, которые носят в себе образ Самого Творца, владеют умом и одарены разумным смыслом, Творец определил вечное существование, чтоб они, познавая своего Творца и Его силу и премудрость, и следуя закону и правде, пребывали во веки с тем, с чем проводили предшествующую жизнь, находясь в тленных земных телах. Существа, сотворенные для кого-нибудь другого, по справедливости перестают существовать, когда прекращают свое бытие те, для которых они сотворены, так как в творениях Божиих напрасное не имеет места. Но существа, сотворенные для самого бытия своего и жизни никак не могут подвергнуться совершенному уничтожению их бытия. Если причина их бытия всегда усматривается в самом их бытии, то всегда должно сохраняться созданное таким образом живое существо, делая и испытывая то, что ему свойственно, причем та и другая часть, из которых оно состоит, проявляется свойственным себе образом. Душа существует и пребывает с той природой, с какой она сотворена, и совершает свойственное себе, – а ей свойственно управлять телесными стремлениями и определять и измерять надлежащими признаками и мерами происходящее. Тело же стремится по природе своей к тому, что ему свойственно, и принимает назначенные ему изменения, а после всех прочих, относящихся к возрастам, к виду, к величине, – и само воскресение. Ибо воскресение есть самый последний вид изменения; это – изменение того, что еще останется в то время, на лучшее.

Мы любим и эту жизнь при всей ее скудости и тленности, как сообразную с настоящим состоянием нашим, и твердо надеемся на жизнь в нетлении. Ее мы не по человеческим выдумкам воображаем, обольщая себя ложными ожиданиями; мы веруем неложному ручательству, – намерению, с которым Бог создал человека из бессмертной души и тела, даровал ему ум и врожденный закон для соблюдения и сохранения того, что дано от Него и что потребно для разумной жизни. Мы хорошо знаем, что Он и не создал бы такое живое существо и не украсил бы его всем для всегдашней жизни, если бы не хотел, чтобы эта тварь всегда пребывала. Итак, если Творец создал человека для того, чтобы он, сделавшись созерцателем Его величия и сияющей во всем мудрости, всегда пребывал в таком созерцании, согласно с намерением Его и с природою, какую получил человек, то причина сего создания указывает на непрерывность его существования, а непрерывность – на воскресение, без которого человек не существовал бы всегда. Из сказанного очевидно, как причиной создания человека и намерением Творца ясно доказывается воскресение.

Если же такова причина, по которой человек введен в мир, то необходимо рассмотреть и то, что естественно следует за этим: природа сотворенных людей; за природою же сотворенных – праведный суд Творца и после всего этого – последняя цель их.

Природа человеческая равно утверждает веру в воскресение. Если вообще она состоит из бессмертной души и из тела, которое соединено с нею при сотворении, и душа и тело

в человеке составляют одно живое существо, которое испытывает и свойственное душе и свойственное телу, действует и исполняет то, что относится к чувственному или умственному постижению. Поэтому совершенно необходимо, чтобы такой состав всецело направлялся к одному концу, – дабы все и во всех отношениях сходилось к одной гармонии и к общему согласию, – сотворение человека, природа человеческая, жизнь человеческая, действия и страдания, образ жизни и сообразная с природой последняя судьба. Если же есть единство и гармония во всем этом живом существе, если есть согласие между действиями души и отправлениями тела, то должна быть одинакова и последняя цель всего этого. А последняя цель будет одна, если живое существо дойдет до этой цели в полном составе – имея все свои части. Это возможно только тогда, когда разрушившиеся части вновь соединятся вместе свойственным им образом. Это по необходимости ведет к воскресению умерших и разрушившихся тел. Если ум и рассудок даны людям для осознания не только сотворенных сущностей, но и благодати, премудрости и правды Того, Кто даровал их, то необходимо сохранение способности суждения, если продолжают существовать предметы, для которых дан разум. Существо же, получившее ум и рассудок, есть человек, а не душа сама по себе; следовательно, человеку должно оставаться всегда и состоять из души и тела; а таким пребывать ему невозможно, если не воскреснет. Ибо если нет воскресения, то не останется природа человека как человека. Если же человеческая природа не остается существовать, то напрасно душа связана с немощами тела и его состояниями, напрасно и тело удерживается от достижения того, к чему стремится, будучи направлено и сдерживаемо уздой души; напрасно существует ум, напрасны рассудительность и добродетельность, напрасны законодательство и уставы, и вообще все то, что есть прекрасного в людях и для людей, и напрасно самое сотворение людей и их природа. Но во всех делах Божиих и исходящих от Него дарах нет ничего напрасного, а значит, необходимо, чтобы бессмертной душе соответствовало вечное пребывание и тела.

Жизнь, прекращаемую смертью и тлением, мы называем пребыванием – имея в виду, что это выражение имеет не один смысл, и не одна мера пребывания, так как не одна и природа пребывающих существ. Так как пребывание сообразно природе пребывающего, то не стоит искать человеческого пребывания у существ совершенно нетленных и бессмертных, и у людей нельзя искать такого неизменного пребывания. Те сотворены бессмертными от начала и нескончаемо пребывают по единой воле Творца; а люди по душе имеют от сотворения непрерывное существование, но по телу получают нетление после изменения. Таков смысл учения о воскресении. Имея его в виду, мы ожидаем и разрушения тела, следующего за жизнью немощной и тленной, и после него уповаем иметь пребывание в нетлении: таким образом мы не равняем нашу смерть со смертью животных, и пребывание людей с пребыванием бессмертных. Итак, не надо сокрушаться, усматривая некоторое неравенство в пребывании людей. И не должно отвергать воскресения оттого, что отделение души от тела и разложение его разрывает непрерывность жизни. Ибо во время сна, по-видимому, также прерывается жизнь, состоящая в сознательном ощущении, но мы не отказываемся называть такое состояние жизнью. Некоторые называют сон братом смерти, не потому, чтобы производили их от одних и тех же предков, а по сходности состояния умерших и спящих, по спокойствию и нечувствительности ко всему происходящему, и даже к собственной жизни. Итак, если мы жизнь людей, несмотря на то, что она подвержена таким изменениям от начала до разрушения, и терпит перерывы на время сна, не отказываемся, однако, называть тою же жизнью, – то мы не должны отвергать и жизни, следующей после разрушения, к которой приведет воскресение, – хотя она прерывается на некоторое время разлучением души и тела.

Потому что такова природа людей; с самого начала по мысли Творца она получила в удел – подвергаться изменениям и имеет пребывание прерываемое то сном, то смертью, то переменами в каждом возрасте, так как последующий возраст не обнаруживается ясно в

предыдущем. У младенцев не замечается того, что обнаруживается у юношей, в юношеском возрасте – того, что свойственно мужам зрелым, а у последних – того, что бывает у стариков. Всем известно, что прежде всего должны быть брошены семена, потом, когда после образования и развития плод явится на свет, наступают младенчество, детство, юность, зрелость, после зрелости – упадок естественных сил – до старости, а потом разрушение одряхлевших тел. И так, хотя в семени не увидеть жизни человеческой, а жизнь не обнаруживает последующего разрушения на первоначальные стихии, но порядок естественных явлений внушает веру в то, что еще не подтверждено самими явлениями: и разум, исследуя истину в естественном порядке, удостоверяется в воскресении, имея надежнейшие и более сильные, чем опыт, основания к подтверждению истины.

Раскрыв сколько можно первые доводы (сотворение и природу людей), нужно доказать рассматриваемую нами истину и посредством последних: я говорю о предстоящей каждому человеку награде или наказании по праведному суду, и о цели человеческой жизни. Прежде рассмотрим мысль о суде. Скажу здесь, что признающие Бога творцом всего, должны также признать, что ничто ни на земле, ни на небе не изъято из управления и провидения Божия, но что попечение Творца простирается на все сокровенное и явное, малое и великое. Ибо все сотворенное имеет нужду в промысле Творца, и каждое существо в частности, относительно своей природы и назначения, для которого оно создано. Человек, о котором теперь речь, как слабый, имеет нужду в пище для поддержания жизни; как смертный – в потомстве для продолжения рода, как разумный – в правосудии для законного приобретения пищи и потомства. Если же все эти потребности свойственны человеку по его природе, то необходимо, чтобы, как пища и преемство рода относятся к обеим частям его существа, так и правосудие простиралось на всего человека состоящего из души и тела, – и чтобы весь человек подлежал суду за все свои дела, и получал за них награду или наказание. Если праведный суд полагает возмездие за действия обеим частям, и ни одна душа должна получить возмездие за то, что сделано ей вместе с телом (ведь она не сама по себе увлекается к грехам телесных удовольствий, пищи или других чувственных благ) и ни одно только тело (оно само по себе не способно рассуждать о законе и правосудии), а человек, состоящий из того и другого подлежит суду за каждое из своих действий. Между тем разум не находит этого воздаяния ни в настоящей жизни, ни после смерти. В настоящей жизни нет его по достоинству, так как многие безбожники, преданные всякому беззаконию и нечестию, не испытывают несчастий до самой смерти, и напротив, проводящие жизнь свою в добродетели, подвергаются скорбям, обидам, клеветам, мучениям и всяким бедствиям. После смерти нет его, потому что человек не состоит еще из обеих частей, пока душа отделилась от тела, а тело разложилось. Следствие очевидно для всякого: именно что надлежит по апостолу, «тленному сему» и рассыпавшемуся «облещись в нетление», чтобы, когда умершие оживут через воскресение, и опять соединится разделившееся или совершенно разрушившееся, каждый получил должное, за то, «что с телом соделал, благое или злое» (1 Кор. 15, 53; 2 Кор. 5, 10).

Не признающие Промысл пусть поразмыслят: навсегда ли оставлена без внимания жизнь и все поведение людей и распростерт на земле какой-то глубокий мрак, покрывающий неведением и забвением самих людей и дела их, или гораздо безопаснее полагать, что Творец управляет Своими творениями, надзирает над всем существующим и совершающимся, и есть судия дел и намерений? Если бы не было суда над человеческими деяниями, то люди не имели бы никакого преимущества перед животными, а были бы еще несчастнее их, так как они борются со страстями, заботятся о благочестии, правде и о прочих добродетелях; а жизнь скотская была бы самою лучшею, добродетель – нелепостью, угроза суда – смешною, наслаждение всякими удовольствиями – величайшим благом; и общим для всего учением и одним законом было бы любимое у невоздержных и сладострастных правило: «будем есть и пить, ибо утром умрем» (Ис. 22, 13; 1 Кор. 15, 32). Конец такой жизни – совершенное бесчувствие.

Если же Творец людей имеет какое-нибудь попечение о своих творениях, и соблюдает различие между доброю и худою жизнью, то это последует или в настоящей жизни, когда еще живут люди добродетельные или злые, или после смерти, когда они подвергнутся разделению и разрушению. Но ни в том, ни в другом случае не может быть соблюден праведный суд. Ибо в настоящей жизни ни добрые не получают должного за добродетели, ни злые — за свое нечестие. Я уже не говорю о том, что, пока пребывает наша природа в том виде, в каком мы теперь существуем, эта смертная природа не может понести наказание, которое равнялось бы весьма многим и весьма тяжким преступлениям. Так разбойник, правитель или тиран, умертвивший несправедливо бесчисленное множество людей, одною смертью своею не мог бы заплатить за них правосудию. Так нечестивец, который не имел ни одного истинного представления о Боге, предавался всякому глумлению и злохулению, презирал божественное, попираал законы, растлевал детей и женщин, несправедливо разорял города, сжигал дома вместе с живущими в них, опустошал области, истреблял множество людей, или даже целый народ: каким образом он в тленном теле получил бы наказание, соразмерное с этими злодеяниями, если смерть предвосхищает его от заслуженного наказания, и смертное естество его недостаточно для возмездия даже за какое-нибудь одно из преступлений его? Итак, ни в настоящей жизни не видно праведного суда, ни после смерти.

Смерть есть или совершенное прекращение жизни, так что душа вместе с телом разрушается и истлевает, или душа пребывает одна, неразложимая, неразрушимая, негибнущая, а разрушается только тело, не сохраняя никакого воспоминания о содеянном, и никакого ощущения того, что оно испытало под влиянием души. Ибо если совершенно угасает жизнь людей, тогда нет никакого попечения о людях уже не живущих, никакого суда над теми, которые жили добродетельно или нечестиво; а в таком случае совершатся все злодеяния беззаконной жизни, и множество гнусностей, связанных с такою жизнью, и главное из этих беззаконий — безбожие. Если же подвергается тлению одно тело, и каждая из разрушившихся частей его переходит к сродным стихиям, а душа, как нетленная, остается сама по себе, то и тогда суд над нею не будет иметь места, так как нет здесь правосудия. Но нелепо предполагать, будто от Бога или у Бога бывает какой-нибудь суд, в котором нет правды: а правды не бывает в суде, когда недостает того, кто совершил праведное или неправедное. Совершил же в жизни то, о чем производится суд, человек, а не одна душа. Кратко сказать, такой суд был бы несправедлив.

Если будут награждены добрые дела, то, очевидно, будет оказана несправедливость в отношении к телу, которое участвовало с душой в трудах при совершении добра, и не участвует в награде за добрые дела; и тогда как душа часто получает прощение некоторых согрешений ради немощи и нужд тела, само тело будет лишено награды за участие в добрых делах, в которых во время жизни и оно несло труды вместе с душой. И когда будут судимы согрешения, не будет соблюдено правосудие по отношению к душе, если она одна подвергнется наказанию за те грехи, которые она совершила подвигнутая телом и увлеченная его стремлениями или движениями. Или какая была бы справедливость, — подвергать суду одну душу за то, к чему она по своей природе не имеет ни вожделения, ни влечения или стремления, например, за роскошь, или насилие, или жадность, или несправедливость, и происходящие от них пороки? Если большая часть таких злодеяний бывает от того, что люди не сдерживают волнующие их страсти, а страсти возникают от требования и нужд тела, от попечения о нем и угождения ему, — ибо ради этого всякое стяжание и наслаждение, так же супружество и все житейские дела, из которых одно считается предосудительным, а другое нет. Где же правосудие, если одна душа подвергнется суду за то, к чему тело первое чувствует стремление и увлекает душу к сочувствию и к общению в действиях для того, что ему потребно? Если же страсти принадлежат не одному телу, а и душе человека, что справедливо, так как единая жизнь его складывается из обоих, однако, не можем сказать, чтобы

они принадлежали одной душе, если отдельно рассматриваем ее собственную природу. Ибо если она совершенно не нуждается ни в какой пище, то она никогда не может стремиться к тому, в чем она не имеет нужды для своего бытия, не может домогаться чего-нибудь такого, чем она вовсе не может пользоваться; она никогда не будет скорбеть о недостатке денег или стяжаний, как совершенно бесполезных для нее. Если она выше тления, то не страшится того, что могло бы причинить ей смерть; не страшится ни голода, ни болезни, ни увечья, ни огня, ни железа, потому что она не может потерпеть от этого никакого вреда или болезни, так как ее совершенно не касаются ни тела, ни силы телесные. Если же страстные движения присваивать собственно душам – нелепо, то преступления, происходящие от них, и наказания за них возлагать на одни души – чрезвычайно несправедливо и недостойно суда Божия.

Каким образом представить себе мужество и твердость в одной только душе, когда она не боится ни смерти, ни ран, ни отсечения членов, ни ущерба, ни ударов, ни происходящих от них страданий, или несчастий? Каким образом представить в ней воздержание и целомудрие, когда она не влечется никаким желанием к пище, или совокуплению, или другим удовольствиям и наслаждениям, когда ничто другое ни изнутри не возбуждает ее, ни извне не подстрекает? Как представить в ней благоразумие, когда в ней нет естественного стремления к какой-либо внешней деятельности? Каким образом душам может быть свойственна справедливость в отношении друг к другу или к чему-нибудь, когда они не имеют, почему бы, чем бы и как бы воздать по заслугам или по закону равномерности за исключением почтения к Богу, когда они не имеют стремления, или побуждения к пользованию своим или к воздержанию от чужого: когда пользование тем, что сообразно с природою или воздержание от сего свойственно тем, которые так рождены, чтобы могли пользоваться; а душа ни в чем не имеет нужды, и не так устроена, чтобы пользоваться тем или другим, и поэтому в ней не может оказаться своекорыстия.

И нелепее всего то, что установленные законы относят к людям, а возмездие за законные и незаконные деяния обращают на одни души. Бог не душам заповедал воздерживаться от того, что нисколько не свойственно им, например прелюбодеяния, убийства, воровства, хищения, поношения родителей, и вообще всякого пожелания, причиняющего ближнему обиду и вред. Ибо заповедь: «чти отца твоего и мать» (Ис. 20, 12; Лк. 18, 20) не к душам только относится, потому что не души рожают душ, так чтобы им называться отцом или матерью, а люди людей. Так же и эту заповедь: «не прелюбодействуй» (Исх. 20, 13), несообразно было бы обратиться к душам, когда между ними нет различия полов, и в них нет ни способности, ни стремления к совокуплению. А если не может быть совокупления, то невозможно и законное совокупление, то есть брак; когда же не существует законное совокупление, то не может быть и незаконное совокупление, и вожделение, т. е. прелюбодеяние. И запрещение похищать или желать большего не относится к душам; ибо им нет нужды в том, что нуждающиеся, вследствие естественного недостатка или потребности, похищают или отнимают силою, например, золото или животное, пищу или одежду. Для природы бессмертной бесполезно все, что для нуждающихся составляет предмет стремления, как полезное.

После вышесказанного остается рассмотреть доказательство, основанное на цели человека. Здесь следует указать, что и для произведений природы и для произведений искусства должна быть свойственная каждому цель: в этом убеждает нас всеобщий смысл и свидетельство наглядного опыта. Разве мы не видим, что одну цель имеют земледельцы, другую – врачи, и еще, что иное назначение того, что родится из земли, и иное животных, которые питаются от нее и рождаются по некоторому естественному преемству? Если же это несомненно, и силы, как естественные, так и искусственные, а также их произведения, должны иметь свойственное им назначение, то совершенно необходимо, чтобы назначение людей, как особенных по своей природе существ, не имело ничего общего с другими. Ибо неспра-

ведливо назначать одну и ту же цель и для тех, которые не имеют разумного суждения, и для тех, которые действуют по врожденному закону и разуму, и способны к жизни разумной и к справедливости. Таким образом, беспечальность не может быть их целью, – ибо это было бы у них обще с существами, лишенными всякого чувства; не может также считаться целью и наслаждение тем, что питает и услаждает тело, и обилие удовольствий, – ибо тогда имела бы преимущество жизнь скотская, а жизнь добродетельная была бы бесцельна, – это я считаю назначением зверей и скотов, а не людей, одаренных бессмертною душой и разумным суждением.

Равным образом не может быть назначением человека блаженство души, отделенной от тела. Ибо мы рассматриваем жизнь и назначение не одной какой-либо из частей, из которых состоит человек, но человека, состоящего из обеих. Цель же эта, по причинам неоднократно высказанным выше, не может быть указана для живущих людей ни в этой жизни, ни по отделении души от тела, потому что человек не есть уже человек, когда тело разрушилось или совершенно уничтожилось, хотя бы душа и продолжала существовать сама по себе. Если это так, то совершенно необходимо, чтобы назначение людей находилось в каком-либо ином состоянии этого двухчастного живого существа. А раз так, то непременно должно быть воскресение тел, умерших и совершенно разрушившихся, и вторичное существование тех же людей; ибо естественный закон определяет цель ни для человека вообще и ни кое-кого из людей, но для тех самых, которые провели эту жизнь, а они не могут опять существовать, как те же люди, если те же самые тела не будут возвращены тем же самым душам. Но это возможно только через воскресение. Когда это совершится, тогда будет достигнута цель, сообразная с природой людей. Никто не согрешил бы, если б сказал, что цель сознательной жизни и разумного суждения – в постоянном и непрерывном занятии тем, к чему больше и прежде всего приспособлен естественный разум – в созерцании Сущего и непрестанном услаждении Его заповедями, хотя многие из людей, слишком пристрастно и сильно предавшиеся земному, не достигают этой цели. Не изменяет общего жребия множество таких, которые уклоняются от предназначенной им цели: каждый подвергнется суду и каждому будет соразмерена награда или наказание за добрую или худую жизнь.

(Из трактата Афинагора Афинянина «О воскресении мертвых».

Ранние отцы Церкви. Антология. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988)

Истина воскресения

Ни одна из истин нашего православно-христианского вероучения не подвергалась и не подвергается так часто сомнениям и отрицанию, как эта истина о воскресении наших тел.

Сомневаться в будущем воскресении мы тогда только имели бы право, если бы могли доказать, что Бог или не в силах, или не хочет совершить этого чуда. Но ни того, ни другого доказать никто не может.

Конечно, после смерти с телом нашим произойдет великая перемена. Оно превратится в перст и, в конце концов, от него ничего больше не останется, как один прах, который смешается с землею. Но отсюда отнюдь не следует, что Бог Всемогущий не может этот прах снова собрать и оживить. Если Он из ничего мог целый мир, а с ним и человеческое тело, вызвать к бытию, то почему Он не может рассеянный прах нашего тела снова собрать и облечь в форму человеческого организма и снова вдохнуть в него жизнь? Неужели может отсутствовать такая сила у Того, Который, по свидетельству истории, так часто совершал это на деле, Который действительно многих воскресил из мертвых? Не Он ли пробудил от вечного сна, по молитве слуги своего Илии, сына вдовы сарептской? Не Он ли возвратил к жизни того мертвеца, который брошен, был в гроб пророка Елисея² и ожил, как только коснулся костей этого пророка? Не Он ли душу дочери Иаира вызвал из загробной жизни³, и снова соединил ее с умершим было телом? Не Он ли обрадовал вдову Наинскую, о которой повествует Евангелие, воскрешением ее сына⁴, и сестер Лазаря воскрешением последнего в то время, когда он уже начал разлагаться? Не Им ли воскрешены Евтихий юноша⁵, Тавифа⁶ и другие? Не творит ли Он подобных чудес ежедневно в царстве природы? Взгляните на деревья, растения и плоды. Как всем нам известно, они все произрастают из одного семенного зерна. Но как произрастают? Сначала это зерно сеется в землю и там разлагается, умирает, и из этого умершего зерна развивается затем новое растение, новый плод. Если же Бог имеет силу производить из разложившегося семени столь чудные, разнообразные растения и плоды, то почему не может Он и из нашего умершего тела произвести прекрасное, и, как говорит апостол, бессмертное, нетленное тело?

Следовательно, у Бога никто не может отрицать силу пробудить наши тела; такое воскрешение вполне отвечает его мудрости и справедливости. В самом деле, не служит ли тело, так сказать, орудием, посредством которого душа осуществляет свои цели и намерения?

Что бы сделала она на земле доброго, если бы тело не являлось ее верным помощником и участником? Если хочет ли она заняться рассмотрением сотворенного, чтобы через это зажечь в себе огонь любви и благодарности ко всемогущему и всеблагому Творцу, то здесь ее орудием бывают глаза, которыми она воспринимает впечатления от этих поучительных предметов. Если желает сделать шаг вперед в учении о божественном домостроительстве и усовершенствоваться в познании истин христианского вероучения и нравственности, то этого достигает она не иначе, как посредством ушей, которые служат орудием для восприятия этих уроков. Если захочет защитить религию от нападающих на нее насмешников и клеветников, взять под свое покровительство задеваемую честь ближнего, вступить за угнетаемых со стороны сильных, наставить не ведущих или заблуждающихся, исправить порочных, то это она может сделать и делает не иначе, как при посредстве языка. Собира-

² 4 Цар. 13, 21.

³ Лк. 8, 49–56.

⁴ Лк. 7, 11–16.

⁵ Деян. 20, 9–12.

⁶ Деян. 9, 40.

ется подать милостыню бедняку, оказать помощь больному, исполнить долг своей службы, защитить отечество – при этом ей необходимы бывают руки, которыми она оказывает человечеству эту полезную услугу.

С другой стороны, что делает душа здесь дурного, при чем тело не являлось бы ее деятельным помощником и сотрудником? Если воображение полно бывает нечистых, вредных мыслей и представлений, порождающих дурные, греховные пожелания, то все это ничто иное, как впечатления от тех предметов, которые она прежде или видела своими глазами, или слышала своими ушами. Если она обнаруживает вражду против Бога и Его Церкви, или из зависти и ненависти клеветает на ближнего, то не пользуется ли для этого главный образом языком? Если желает причинить убыток имуществу ближнего путем воровства, похищения, или если хочет отнять у ближнего самое дорогое его земное благо, жизнь его, то не употребляет ли для осуществления такого беззакония руки?

Можно ли после этого говорить о какой-нибудь несправедливости в том, что и тело наше, которое здесь на земле было постоянным соучастником души, которое помогало ей во всех добрых и дурных поступках, будет некогда воскрешено и примет свою часть в награде или наказании?..

Сказанное до сих пор слово должно убедить нас, что Бог силен снова воскресить наши тела, и что это воскрешение вполне отвечает Его мудрости и правосудию. Уже из этого мы в праве заключить, что Он действительно воскресит и нас. Но этому заключению мы находим подтверждение и во многих, недвусмысленных изречениях Священного Писания. Не дает ли нам Бог уже в Ветхом Завете несомненное удостоверение будущего воскресения? Не уверяет ли Он нас через пророка Исаию, что мертвые снова оживут? Не показывает ли Он пророку Иезекиилю в видении, как кости всех умерших из его народа собраны были вместе в свои тела и снова оживлены? Не говорит ли через пророка Даниила: многие из спящих в прахе земли пробудились, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление?

Еще более определенное уверение в нашем будущем воскресении находим мы в Новом Завете. Что говорит нам об этом прежде всего Спаситель, Который убедился в этом как через Свои бесчисленные чудеса воскрешения мертвых, так и через Свое собственное воскресение? Наступит время, говорит Он, в которое все находящиеся в гробах услышат глас Сына Божия, и, услышав, оживут. И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения. Далее: воля пославшего Меня Отца есть такова, чтобы из того, что Он Мне дал, – ничего не погубит, но все то воскресит в последний день (Ин. 6, 39). Я есмь воскресение и жизнь верующий в Меня, если и умрет, оживет (Ин. 11, 25).

Так учит Иисус, и Его учение часто повторяется Его учениками. Так, например, св. Ап. Павел в своем 1-м послании к Коринфянам подробно излагает следующие мысли: в Евангелии, которое благовествовал вам, которое и вы приняли, я показал вам, что Христос воскрес из мертвых; и что и мы снова воскреснем. Но есть некоторые из вас, которые отвергают будущее воскресение. Таковым я говорю, что если мы не воскреснем, если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес и, следовательно, фальшива наша проповедь и суетна наша вера. Но Христос, несомненно, воскрес из мертвых, а потому и мы воскреснем. Он именно воскрес, как первенец всех умерших, как первообраз нашего воскресения и как неопровержимое доказательство, что и мы воскреснем для бессмертной жизни. Но скажет кто-нибудь, как же воскреснут мертвые, в каком теле они придут, возможно, ли, чтобы наши тела, превратившиеся в прах, снова ожили? Таковому я отвечаю: безрассудный! То, что мы сеем, не оживет, если не умрет. Так и с нашим воскресением: сеется в тление, восстает в нетлении; сеется в унижении, а восстает во славе и в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. И это произойдет вдруг, в мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубят и мертвые воскреснут, и мы изменимся (сделаемся нетленными). Когда же телесное сие облечется в нетление, тогда сбудется писание: поглощена смерть победою: смерть, где твое жало?

Ад, где твоя победа?» (1 Кор. гл. 15). А в апокалипсисе пишет св. Иоанн: я видел мертвых малых и великих, стоящих пред Богом, и судимы были мертвые по написанному в книгах (Откр. 20, 12).

Какая высокая и утешительная истина! Она убеждает, что наши тела некогда воскреснут, так как Всемогущий Бог силен воскресить их, и что это соответствует Его мудрости и правосудию и что, наконец, Он решительно заверяет нас, что Он это сделает. Но не для всех это воскресение будет радостным и утешительным. По учению Господа, только праведные воскреснут для вечной жизни, а нечестивые для строгого осуждения и вечного мучения. Как же мы должны пользоваться телом, чтобы оно воскресло для вечной жизни? Для этого нет надобности мучить и безмерно изнурять наше тело, но мы не должны и изнеживать его и потворствовать ему удовлетворением всех его желаний, как это делают некоторые неразумные матери в отношении детей своих. Так, например, нашим глазам хочется иногда смотреть на тот ил иной предмет или читать такие книги, которые способны в наших сердцах порождать нечистые пожелания и склонять к таким действиям, через которые мы можем согрешить пред Богом и людьми. Нашим ушам хочется часто слушать такие речи, которыми оскорбляется святость и унижается достоинство религии, или сквернится честь ближнего. Нашему языку хочется иногда изрыгать хулу на имя Божие, изрыгать неприличные и бранные слова и наветы, исполненные лжи и клеветы на ближних, и нередко случается, что такими речами подается повод и соблазн к греху, даже очень нередко хочется нам употреблять язык собственно для того, чтобы склонить и уговорить другого к дурному поступку. Наша гортань способна бывает переступить меру в пище и питье и предаться сластолюбию, а наша рука – к тому, чтобы захватить чужую собственность или нанести оскорбление своему собрату. При таких и подобных влечениях и порывах уступчивость и поблжка были бы совершенно греховны и пагубны. Такое потворство завело бы нас в бездну такой нравственной распушенности и таких беззаконий, которые лишили бы нашу душу и тело вечного блаженства.

Но мы не должны довольствоваться только тем, чтобы не употреблять наше тело для дурных поступков, но должны пользоваться им, как орудием для совершения добрых дел, для чего оно сотворено. Представьте себе, сколько добра мы можем сделать при посредстве его и его органов! Своими глазами можем созерцать красоты природы, как чудное произведение всемогущества и премудрости Бога. Своими ушами можем слушать слово Божие и таким образом побуждать себя к верному исполнению своего долга. Своими устами мы можем славословить нашего Творца и Господа, способствовать защите и распространению святой веры, можем оказывать пользу нашим братьям посредством наставлений, предостережений и увещаний в отношении спасения души, преподавать утешение страждущим и оказывать им великую услугу в бедствиях и превратности их судьбы. Своими руками мы можем очень много делать ко благу человеческого общества, подавать, например, милостыню бедным, утолять их голод и жажду, одевать их наготу, врачевать их недуги, вообще оказывать ближнему услуги своею любовью и благожелательством. При всем этом мы не должны, впрочем, забывать того, что все это не есть дело нашего произволения, но наш неперенный долг. По крайней мере, Спаситель, этот будущий Судья наш, говорит: «изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» (Ин. 5, 29).

Но здесь могут спросить меня: а что же будет с теми, у которых нет одного или нескольких органов и которые, следовательно, не могут делать из них свободного употребления? Конечно, есть между нами немало слепых, глухих, немых, или без других каких-нибудь органов. Но и у этих однако, есть средство и возможность собирать для себя сокровища для неба и вечности путем покорного и беспорочного перенесения своего телесного бедствия, и им, как и другим всем, не чужда надежда на будущее воскресение. Да, и они некогда восстанут из гробов, но не с тем уже изуродованным и искалеченным телом, в которое они, так сказать,

заклочены теперь. Их глаза, которые теперь не могут видеть дневного света, тогда откроются, и они увидят Царя славы во всем Его величии. Их уши, не восприимчивые теперь ни для какого звука, с восторгом услышат тогда чудные хвалебные песни, коими ангельские хоры воспевают своего Господа и Бога. Их язык, который лишен теперь способности говорить, будет чувственно славословить виновника своего бытия, их телесные органы, которые теперь парализованы и повреждены, получают новую силу и красоту. Словом, все их тело, по слову апостола, делается не только бессмертным, но и совершенно свободным от всяких недостатков: сеется оно, говорит он, в немощи, а восстает в силе.

Таким образом, нас всех ожидает будущее воскресение, и, если мы умрем в вере и надежде, славное воскресение. Отсюда ясно, с каким чувством должны мы относиться к смерти. Представь себе, возлюбленный собрат, что ты обладаешь очень ветхим, близким к разрушению домом, и вот твой искренний друг делает тебе предложение оставить эту развалину и перейти в новый великолепный, очень красивый и прочный дом. Неужели ты отказался бы от такого предложения? Конечно, нет. Скорее принял бы его с радостью и восторгом. Не то же ли самое делает Бог с твоим телом, что делает тот друг с твоим домом? Ведь и твое тело, которое есть населяемый твоей душой дом, также очень непрочное. Вспомни только, сколько требуется забот и хлопот для того, чтобы хоть несколько лет просуществовала в нем душа твоя, как в своем жилище. То нужно насыщать его пищей, то уделять ему отдых и покой, чтобы накопить новых сил. Вспомни далее о различных болезнях и недугах, которые постигают то этот, то другой член, а то целое тело. И никогда несвободен этот дом от опасности разрушения, ни на один момент нельзя поручиться за то, не разрушит ли его какой-нибудь удар, например, молнии или другое какое-нибудь несчастье.

Но совсем не таков будет этот дом души твоей, когда ты снова получишь его в последний день из руки Сына Божия. Тогда твое тело будет похоже на новый великолепный, прочно устроенный дом, который никогда не будет подлежать ни разрушению, ни уничтожению. По научению апостола, сеется это тело в тлении, а восстает в нетлении, сеется в немощи, а восстает в силе. Умер поэтому, возлюбленный, твой страх, с которым ты встречаешь смертный час; не скорби при мысли, что этот столь непрочный дом души твоей скоро разрушится; позаботься лучше о том, чтобы смерть застала тебя в брачной одежде спасающей благодати, и ты, несомненно, восстанешь из своей могилы во славе. Не скорби чрезмерно и о своих присных, сошедших в могилу. И для них, где бы и в каком бы виде ни находился прах их, наступит некогда воскресение.

(Священномученик митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). О воскресении тел. СПб., 1916)

Слово о бессмертии и будущем воскресении

Бессмертие, воскресение и жизнь будущая, – такая это великая, утешительная и спасительная истина!

«Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» (1 Кор. 15, 32). Это правило составляло бы всю мудрость и всю нравственность жизни людской, если бы удалить мысль о бессмертии и будущей жизни. Ибо стоит ли думать о высоком нравственном назначении и совершенстве жизни, если она завтра будет поглощена навсегда могилой. «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» Так забвение будущей жизни должно вести к забвению всех нравственных обязанностей и обратить человека в бессмысленное животное.

Как важно, поэтому, изъяснять, доказывать и напоминать о бессмертии и будущем воскресении, особенно в нынешнее время, когда эти великие истины не только многими забываются, но и ожесточено, гласно отвергаются, как пустые мечтания или старые суеверия!

О будущей жизни человека говорит безмолвно, но постоянно даже бессловесная природа. Современное изучение природы доказало, что количество так называемого вещества, из которого состоят предметы природы, не уничтожимо до самой малейшей частицы, что силы, действующие в разнообразных явлениях природы, сохраняются неизменно, так что в целой вселенной нельзя найти никакого примера, никакого признака уничтожения какой бы то ни было самой ничтожной вещи.

В мире же существ живой природы самый простой взгляд не только не видит уничтожения жизни, но постоянное ее возобновление, или воскресение. Целое царство земных растений, умирая осенью оживает весною; умирает в земле семя, воскресает трава или дерево, умирает пресмыкающийся червь, воскресает крылатая бабочка; жизнь птицы как бы погребается в бездушном яйце, и опять из него воскресает в новом виде. Если низшие творения Живого Бога разрушаются для воссоздания, умирают для новой жизни: человек ли – царь земли, сын неба, сходя в гроб, обратится в ничтожество? Если кто, имея пред своими глазами, можно сказать, всемирный опыт воскресения, затрудняется сомнением, смотря на разрушающееся умершее тело человека, в возможности его возобновления, то св. апостол, разрешая это затруднение, именно указывает на природу и при этом изъясняет негодование на безумие такого сомнения. «Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело» (1 Кор. 15, 36–39).

О бессмертии же духа человеческого неотразимо свидетельствует все существо и жизнь его в настоящее время даже на этой тленной земле, в этом тленном теле. То, что мы видим умирающим в человеке, есть грубое сложное из многообразных составов тело, которое разлагается на свои составные части, разрушается и таким образом само в себе заключает смертность. Душа же человека есть бестелесная сущность, простая, т. е. ни из каких вещественных частей не состоящая. Обращаясь на себя, человек непосредственно сознает себя нераздельною единицею, которая, заключая в себе бесконечное разнообразие душевных явлений, сознает их не как отдельные самостоятельные части, но как свои состояния и действия, принадлежащие единому личному существу. Нет ничего удивительного в том, что тело наше, как всякий вещественный состав, в продолжение всей жизни настоящей, постоянно умирает по частям, ежедневно отделяя от себя мертвые части своего вещества, так, что в каждые семь лет из нашего тела не остается ни одной прежней самонаименованной частицы; между тем душа наша среди этого, так сказать, постоянного умирания тела чувствует в себе неизменное бытие, сознает себя одним и тем же существом, неизменною личностью от первой зари сознания в детстве до последнего заката его пред смертью. Все пережитое человеческой душой составляет нераздельную часть ее духовного естества, от чего зависит все

дальнейшее развитие. Как бы не переменялся человек, он не в состоянии уничтожить в себе прошедшее, ибо он живет не одним настоящим днем, а всей истекшей и будущей жизнью. Происходящие в нем перемены являются плодом его личной жизни, вытекают из самой его сущности, составляют действие его личной воли и потому не могут быть изглажены из его сознания. Поэтому всякое совершенное им дело со всеми вытекающими из него последствиями имеет для него вечное значение и составляет вечную его принадлежность. Итак, в самом существе души человека лежит неуничтожимый залог его бессмертия и будущей жизни. Дух человека сам в себе носит свое бессмертие и будущую вечную жизнь. Вот почему даже языческий мыслитель Сократ, всю жизнь посвятивший познанию самого себя, т. е. познанию природы и существа человеческой души, накануне своей смерти с таким непоколебимым убеждением и возвышенным красноречием беседовал со своими учениками о бессмертии души человеческой. Какой убедительный пример и страшный укор для мыслителей христианского мира, которые не слышат голоса своей собственной духовной природы и считают бессмертие духа только праздною мечтою, суеверием, свойственным людям неразвитого, детского ума.

Правда и эти люди много говорят о так называемом бессмертии в потомстве, побуждают себя и других жить и действовать так, чтобы дела и жизнь остались вечно памятными и бессмертными в потомстве. «Вот единственное для человека земное бессмертие, от которого можно ожидать пользы и плодов», выражается один из заблудших при гробе другого несчастного, который, по уверению его, никогда не ожидал бессмертия загробного. Но, не говоря о том, что это стремление человеческого сердца – жить в памяти потомства есть только отрасль от корня истинного бессмертия, что в этом стремлении явно слышится предвестие сердца о нескончаемой жизни по смерти, спросим: это бессмертие только в потомстве может ли удовлетворить сердце человеческое, нравственное чувство справедливости, которое живет в глубине души каждого нравственного существа? Всякое сердце человеческое признает, и чем оно благороднее, тем сильнее любит добро и правду, несмотря на то, что в настоящей жизни добро и правда очень часто страдают от зла и неправды. Если поэтому исполнение добра составляет обязанность человека, то непременно требуется, чтобы человек находил в нем и личное для себя благо. Иначе требование добра от человека противоречило бы его природе. Нравственное существо исполняет нравственный закон свободно, а не по необходимости. Свободное же исполнение возможно только под условием, чтобы исполняющий мог найти в нем и личное благо. Добродетель не всегда дает счастье, но мы не можем не признать, что она одна делает человека достойным счастья. Это должно быть по правде, составляющей сущность самого нравственного закона, который требует, чтобы добродетель была награждена, а порок наказан. Если мы не видим этого в настоящей жизни, то мы должны верить, что это исполнится в будущей. Иначе земная жизнь не имела бы никакого смысла. Если жизнь добрая приносит человеку страдания, может ли он удовлетворяться сознанием, что он исполнил свой долг и назначение? Может, если он сознает, что страдание только временное, а удовлетворение будет вечное; нет, если за пределами страдания он не видит ничего другого, кроме уничтожения. Ибо в таком случае, зачем обречен на страдание тот, кто исполняет высокий нравственный закон? Где же справедливость Всомогущего и Благого Существа? И чем выше нравственное чувство человека, тем глубже его страдание. Он видит бедствия ближних, страдания и смерть любимых существ, извращение нравственности, торжество порока, презрение ко всему, что свято для человеческого сердца. Если все ограничивается для него земною жизнью, то самое сознание исполненного нравственного закона не может дать ему удовлетворения, ибо удовлетворение дается единственно убеждением, что присущий его совести нравственный закон есть закон, связующий его с невидимым и вечным миром, членом которого он состоит. Глубокое признание в совести добра и правды проистекает из глубочайшего сердечного предощущения вечного цар-

ства добра и правды, из веры в торжество нравственного закона в вечном царстве Истины и Добра. Надежда быть живым, не умирающим членом этого вечного царства составляет право всякого разумно-свободного существа, призванного исполнять нравственный закон добра и правды. Без этого самое исполнение его становится вопиющим противоречием.

Наконец, только эта надежда не бессмертие и будущую жизнь разрешает величайшее противоречие человеческой жизни – саму смерть. Как телесное существо, человек подлежит закону разрушения и смерти, но, как духовное, он не может не видеть в нем противоречия с высшим своим естеством. Сознание и стремления души не ограничиваются настоящей жизнью. Человек полагает себе цели, далеко идущие за пределы его земного существования. Наконец, у него есть привязанности, которые имеют не временный только характер, а составляют вечную, неразрывную часть его существа. Устремляя в вечность свои умственные взоры, свои нравственные стремления, человек простирает в вечность и свои сердечные привязанности. А если таковы основы его существа, то предметом этой привязанности не может быть что-либо преходящее и уничтожающееся. Перед гробом любимого существа из глубины человеческого сердца вырывается роковой вопрос: зачем дано ему любить, таким образом, если предмет этой любви ничто иное, как мимолетная тень? Или зачем отнимается у него предмет любви, когда эта любовь есть самое высокое и святое, что есть в человеческой жизни? На эти вопросы может быть только один ответ: бессмертие! Любовь, носящая в себе вечность, в себе самой заключает неискоренимое убеждение, что предмет ее вечен, как и она сама.

Таким образом, для существа духовного, одаренного разумом и чувствами, простирающимися в вечность, самая смерть не только служит переходом к высшей жизни, но она составляет связь между видимым и невидимым миром, между небом и землей. Смерть говорит именно то, что все для человека не ограничивается земными целями и привязанностями, что, нося в себе стремление и любовь к бесконечному, он принадлежит к высшему, вечному и бесконечному миру. Без этой веры вся человеческая жизнь, заканчивающаяся смертью, представляется неразрешимой загадкой, возмутительною шуткою, разыгранной каким-то злым духом. Напротив, озаренная мыслью о будущей жизни, эта загадка жизни земной превращается в светлую истину и разрешается высшей гармонией. Вот почему, несмотря на постоянный и повседневный опыт и вид смерти телесной, мысль о бессмертии и будущей жизни составляла постоянное убеждение человечества. Свидетели этого убеждения – целые народы от наиболее просвещенных до самых необразованных и диких, так что в этом случае самые заблуждения могут свидетельствовать об истине. Как ни чувственны иногда понятия о будущей жизни, как ни грубы представления и сказания о ней у народов, не озаренных светом Откровения, но и в этих понятиях, как искра света в груде пепла, еще не угасла и светит та истина, что после настоящей есть для человека жизнь будущая, что видимая смерть не есть уничтожение человека, что за смертью настанет лучшая жизнь. Это общечеловеческое убеждение подкрепляет, возвышает христианское Откровение, озаряя полным светом самый мрак гроба и смерти. Возвысим же свой разум до божественной высоты христианского учения, которое разрешает великую неразрешимую тайну жизни настоящей и смерти человеческой.

«Бог, – говорит премудрость Божия (Прем. 11, 23) – создал человека для нетления. Дух человека жил Словом Божиим и потому наслаждался бессмертием; тело его, питаясь древом жизни, должно было сохраняться в нетлении». Итак, Бог смерти не сотворил. Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, [потому что] в нём все согрешили (Рим. 5, 12). Вот причина настоящей смертности и тления тела – грех, этот яд, который принял человек душою, по который в дальнейшем своем действии отравил и тело медленно, но неизбежно смертоносною отравой. По безмерной любви Божией к человеку, Слово Божие, которым жил первобытный человек, т. е. Сын Божий –

Единородный от Отца (Ин. 1, 14), воплотился и вочеловечился. Животворное действие этой Божественной жизни, излитой в глубину человеческой природы, также, как некогда смертоносное действие греха должно преобразить все существо человека от духа до тела, ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа (Рим. 5, 17).

Таким образом, Слово Божие – Богочеловек Христос Иисус, нисходя до воплощения, открывает самой плоти человеческой возможность восходить снова до нетления и становится воскрешением нашим (Ин. 11, 25). Св. апостол утверждает это, как дело верного и признанного опыта и как основание несомненного нашего будущего воскресения. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним (1 Фес. 4, 14). Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. (1 Кор. 15, 20). Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного: то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа (Рим. 5, 17). Ибо как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его. А затем конец... последний враг истребится – смерть... Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг в мгновение ока при последней трубе: ибо вострубит – и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся, ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление, и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою (Ис. 25, 8). Смерть, где твое жало? (Ос. 13, 14). Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом! Так заключает св. Павел возвышенное, утешительное, священно-таинственное христианское учение и упование воскресения мертвых и жизни будущего века.

Умолкаем в чувстве христианского торжества победы, победившей мир, веры нашей и упования нашего на бессмертие и воскресение силою Воскресшего из мертвых Христа и с Собою все воскресившего. Но постараемся извлечь из этих великих истин веры и надежды правила для жизни.

Если несомненна жизнь будущая для человека, на жизнь настоящую должно смотреть, как на приготовление к будущей – и готовиться к вечной жизни все время, каждую минуту жизни временной, чтобы в каждое мгновение быть готовым к переходу в вечность.

Если бессмертна душа, то она должна быть дороже для нас всего в этом мире, дороже всего этого мира. Ибо какая польза человеку, если мир весь приобретет, а душу свою погубит?

Если настанет воскресение самого тела нашего, то, как необходимо заботиться теперь о его чистоте, целомудрии, воздержании от страстей и похотей, чтобы оно было светлым храмом не только духа нашего, но и Духа Божия, который по слову св. апостола живет не только в душах непорочных, но и в телах (чистых). Итак, прославим Бога в душах наших и телах наших, да Христа приобретем, в вере, чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых (Флп. 3, 10–11). Аминь.

(Прот. Н. Марков. О бессмертии и будущем воскресении. Чернигов, 1884)

Глава 2

Случаи воскрешения мертвых из священного писания

Свидетельства о воскресении мертвых Ветхого Завета

«Воскресение мертвых будет, несомненно», – учит Святая Церковь.

Немногие из догматов веры раскрыты в Священном Писании так ясно и подробно, как догмат о воскресении. Не говоря уже о Новом Завете, ясные свидетельства о воскресении мертвых есть и в Ветхом Завете.

Напрасно думают некоторые, будто ветхозаветная церковь о воскресении ничего не знала: веровали в воскресение мертвых не только подзаконные иудеи, но и патриархи, и даже в раю можно искать следы этой веры.

Думаем, что в воскресение мертвых веровал еще Адам. «В день, в который ты вкусишь от дерева познания добра и зла, смертью умрешь, – сказано Адаму до падения; – ибо прах ты и в прах возвратишься», – сказано ему по падении. И в то же время Господь заключает с ним завет; дает ему обетование, что семя жены сотрет главу змия, т. е. по разуму Церкви – воссоздаст человека падшего, приведет его в прежнее состояние, уничтожит все следствия греха, следовательно, и смерть, – смерть не только вечную, но и временную. Завет, заключенный Богом с падшим Адамом, между другими обетованиями заключал в себе обетование и об уничтожении смерти телесной, – это несомненно. Но вопрос в том: так ли понимал Адам тот завет, в который вступил? Положительных оснований утверждать это не имеем. Думаем, однако, что уничтожение смерти вечной и временной было одним из самых существенных условий этого завета.

Веровали в воскресение мертвых современники Еноха. То, что предложением (переселением) Еноха Господь предначертал образ всеобщего воскресения для нас, – это несомненно: «еще из начала, прежде Нового завета, – учит Св. Златоуст, – Бог преднаписал нам образ воскресения, когда переложил Еноха». «Верую Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу» (Евр. 11, 5). Это не без цели – конечно – переложил его Бог и в отношении к его современникам: «Господь хотел этим показать современникам Еноха, – замечает тот же св. учитель, – какие награды ожидают всех угождающих Богу». А награда, которую получил Енох, состояла в том, что он не видел смерти и с живым телом переселен на небо. Современники его, конечно, это знали; заключение отсюда они естественного должны были сделать такое, что человеческий дух и в другом мире может жить в живом своем теле.

Веровал в воскресение мертвых Ной. «Я взыщу и вашу кровь, [в которой] жизнь ваша, – говорит ему Господь после потопа, – взыщу ее от всякого зверя». «Каким же образом, – спрашивает св. Иоанн Дамаскин, – Бог взыщет кровь человеческую от руки всякого зверя, если не воскресит тела людей умерших? Зверей за человека не предают смерти».

Веровал Авраам. По свидетельству св. апостола, Авраам, вознося сына своего во всеожжение, веровал, что Бог силен и из мертвых воскресит его. «За столько лет прежде нас, – замечает св. Златоуст, – Авраам веровал, что Бог силен из мертвых воскрешать». Не говорим о том уже, что по слову Христа Спасителя, Авраам с радостью видел день Христов – день, конечно, светлого воскресения Христова, – и в связи с этим днем, можно думать, провидел

отчасти и тот последний великий день, когда, по образу Перворожденного из мертвых, воскреснут все мертвые.

Веровал Иосиф. По крайней мере, эта вера просвечивает в его завещании на счет своих костей. «И залял Иосиф сынов Израилевых, говоря: Бог посетит вас, и вынесите кости мои отсюда» (Быт. 50, 25). К чему была бы в патриархе такая забота о мертвых костях своих, если бы не чаял, что и по смерти связь его духа с телом прервется не навсегда, что настанет некогда время их воссоединения, что чаять этого воссоединения должно от обетованного Избавителя, Которому явиться надлежало в земле обетованной?

Все свидетельства эти не вполне, однако же, ясны. Они позволяют нам утверждать только, что следы верования в воскресение мертвых замечаются во времена патриархальные, даже в период допотопный, даже в раю в период падения первого человека, – но только следы, а не ясное учение. Следы эти ясны теперь для нас. Были ли они ясны для людей тех времен, – не знаем, патриархи твердо уверены были во всемогуществе Божиим, – что Бог может воскрешать мертвых; после апостольского свидетельства в этом сомневаться нельзя. Но знали ли они об общем воскресении мертвых?

Два изречения праведного Иова не оставляют нам сомнения и в этом. В одном месте выражается он так: «человек уснув (надо заметить, что здесь говорит он о сие смертном – это видно из состава всей речи), – так человек ляжет и не станет; до скончания неба он не пробудится и не воспрянет от сна своего. О, если бы Ты в преисподней сокрыл меня и укрывал меня, пока пройдет гнев Твой, положил мне срок и потом вспомнил обо мне! Когда умрет человек, то будет ли он опять жить? Во все дни определенного мне времени я ожидал бы, пока придет мне смена» (Иов. 14, 12–14). Выражения чрезвычайно знаменательные! Иов выражает здесь веру не только в частное свое воскресение, но веру и в общее воскресение людей, при кончине мира: «человек, уснув сном смертным, не восстанет, пока не изменится небо».

Вот другое еще более ясное выражение: «А я знаю, – говорит Иов, – Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию». Некоторые, однако же, из неблагонамеренных толкователей утверждают, будто Иов говорит здесь не о воскресении, – но о том, что Господь исцелит его от болезни и возвратит ему на земле его прежнее состояние. Самое важное, что можно сказать против такого толкования, это то, что Иов совершенно далек был от надежды на восстановление своего здоровья на земле и благосостояния. Все речи его в этом отношении проникнуты горьким отчаянием. Для нас важно особенно то, что в этом изречении Иова свидетельство о воскресении находили отцы Церкви (можем сказать это о св. Златоусте и о св. Кирилле Иерусалимском) и сама Церковь (чтение этой речи Иова предлагается в великую субботу на вечерни); у благонамеренных богословов это место считается классическим. Итак, вера в общее воскресение людей в период патриархальный существовала. Существовала ли в период подзаконный?

Моисей веровал в воскресение мертвых и свидетельствовал о нем. «А что мертвые воскреснут, – говорит Христос Спаситель саддукеям, – и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Иакова. Бог же не есть [Бог] мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20, 37–38).

Веровал в воскресение Давид. «Богоотец Давид, – замечает св. Иоанн Дамаскин, – говорит к Богу: скроешь лице Твое – мнутяся, отнимешь дух их – умирают и в персть свою возвращаются. Вот что сказано о телах». Потом добавляет: «пошлешь дух Твой – созидаются, и Ты обновляешь лице земли» (Пс. 103, 29–30). Так изъясняет это место св. Иоанн Дамаскин.

В другом месте Псалмопевец говорит: «возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя успокоится в уповании; ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление». По объяснению апостола, пророк, предвидев,

говорит здесь о воскресении Христове. Но нет сомнения, что, предвидев воскресение Первенца из мертвых, пророк предвидел и свое собственное воскресение: и оттого-то веселится сердце его и радуется язык его; и оттого-то говорит он о воскресении Спасителя, как о своем собственном: пророк был прообразом Спасителя; воскресение Спасителя было образом и начало воскресения пророка.

Веровал Исая. «Оживут мертвецы Твои, – пророчествует он, – восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя – роса растений, и земля извергнет мертвецов» (Ис. 26, 19). В другом месте говорит он от лица Божия:... «и возрадуется сердце ваше, и кости ваши расцветут, как молодая зелень» (Ис. 66, 14). Что здесь говорится о всеобщем воскресении, это видно из состава всей речи. Пророк продолжает: «се бо Господь яко огонь придет... воздати яростью отмщение и прощение во пламени огненне. Огнем бо Господним судиться будет вся земля Ибо вот, придет Господь в огне... чтобы излить гнев Свой с яростью и прещение Свое с пылающим огнем. Ибо Господь с огнем и мечом Своим произведет суд над всякою плотью». Одним словом, во всей главе изображается страшное пришествие Судии живых и мертвых, кончина мира и вечное воздаяние людям.

Веровал Иона. Молился Иона Господу Богу из чрева кита: «Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада» (2; 7). И молитва его была услышана.

Веровал Софония. «Ждите Меня, говорит Господь, до того дня, когда Я восстану для опустошения, ибо Мною определено собрать народы, созвать царства, чтобы излить на них негодование Мое, всю ярость гнева Моего; ибо огнем ревности Моей пожрана будет вся земля» (Соф. 3, 8). Из состава речи заключать надо, что в сознании пророка дни воскресения Мессии и воскресения всеобщего сливались в один образ.

Веровал Иезекииль. Ему открыт был самый образ всеобщего воскресения. Скажут нам, что этот образ был для Иезекииля только символом возвращения иудеев из плена вавилонского: кости сии – весь дом Израилев, – говорит Господь Бог Пророку, – вот, они говорят: «иссохли кости наши, и погибла надежда наша...» Но если читать описание всего этого видения со всеми обетованиями, которые при этом дает Господь, то очевидно будет, что все черты символа не могут быть вполне приложены к событию возвращения из плена: в символе заключается гораздо больше, – а именно то, что открывая в символе временную судьбу Израиля по возвращении из плена Господь в то же время открывает пророку временную судьбу Своего благодатного царства на земле, и в то же время вечную судьбу Своей Церкви, по всеобщем воскресении. Господь не раз повторяет пророку: «Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших»... Это видение может служить примером всех видений пророческих: в одном образе Бог открывал пророкам много-много разнообразного, одним средством достигал многих своих целей, как Премудрый.

Веровал в воскресение Даниил. Подробно изображая последнюю судьбу мира, Даниил между прочим говорит: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан. 12, 2). Не станем соблазняться тем, что пророк здесь употребляет слово: «многие»; известно – в Писании не редки случаи, где слово «многие» употребляется вместо «все». Важно то, что по слову Пророка спящие в прахе земли пробудятся, – восстанут не только праведники для вечного блаженства, но и грешники для казни вечной.

Верили мученики Маккавеи. Второй из семи при последнем издыхании сказал: «Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной». Будет, значит, воскресение не только отдельных лиц, но и общее воскресение – воскресение суда вечного. Когда мучили третьего и хотели ему отрезать язык, он тотчас выставил его, неустрашимо протянув и руки, и мужественно сказал: «От Бога я получил их, и за законы Его не жалею их, и от Него надеюсь опять получить их». В день воскресения, значит, тело человеческое будет

восстановлено с прежними его членами. Четвертый перед смертью говорит: «Умиравшему от людей вождественно возлагать надежду на Бога, что Он опять оживит; для тебя же не будет воскресения в жизнь». Воскреснут, значит, и праведные и грешные; только судьбы их будут различны. Представления о воскресении отчетливы!

Итак, вера в воскресение мертвых с начала времени падения первого человека существовала в Церкви Божией во все времена: после Адама преемственно при Енохе, Ное, Аврааме, Иосифе, Иове – во времена патриархальные; в период подзаконный – при Моисее, Давиде, Исаии, Ионе, Софонии, Иезекииле, Данииле, при Маккавеях. Существование сект фарисейской и саддукейской показывает, что вера в воскресение мертвых не исчезала в избранном народе и после Маккавеи, до явления самого Христа Спасителя. Не говорим о том уже, что проблески этой веры мелькают в вероучениях и языческих народов: у них эта вера появилась или через преемство от праотцев, или через проникновение в природу и в душу человека: эта вера так близка уму и сердцу! Если отцы замечали, что веры в воскресение мертвых до Христа Спасителя на земле не было, то без всякого сомнения в том смысле, что учение о воскресении мертвых до Христа не было так ясно и точно, как после.

Но чтобы просветить нас вполне и утвердить основательно нашу веру в будущее воскресение мертвых, Священное Писание не ограничивается одною лишь проповедью и учением, оно указывает нам на факты, оно дает нам чудные доказательства.

Воскрешение сына сарептской вдовы

В Священном Писании Ветхого Завета описан случай воскресения пророком Илией сына сарептской вдовы.

Некоторое время Илия скрывался среди гор у потока Хорафа, куда в течение многих месяцев ему чудесным образом доставлялась пища. Позднее, когда засуха все продолжалась и поток высох, Бог повелел Своему слуге найти убежище в языческой стране. «Встань, – сказал Он ему, – и пойдешь в Сарепту Сидонскую, и оставайся там; Я повелел там женщине вдове кормить тебя».

Эта женщина не была израильтянкой. Она никогда не пользовалась теми преимуществами и благословениями, которыми располагал избранный народ Божий, но она верила в истинного Бога и руководствовалась в жизни тем, что ей было открыто Господом. И теперь, когда для Илии уже не было убежища в израильской земле, Бог послал его к этой женщине, в доме которой он мог бы найти приют.

«И встал он, и пошел в Сарепту; и когда пришел к воротам города, вот, там женщина вдова собирает дрова. И подозвал он ее, и сказал: дай мне немного воды в сосуде напиться. И пошла она, чтобы взять; а он закричал вслед ей и сказал: возьми для меня и кусок хлеба в руки свои».

В этом бедном доме свирепствовал голод, и жалкие запасы скудной пищи, казалось, были на исходе. Илия пришел в тот самый день, когда вдова уже была готова прекратить борьбу за жизнь, полную серьезных испытаний веры в то, что живой Бог силен дать ей все необходимое. Даже в момент самой острой нужды она проявила свою веру тем, что согласилась разделить с пришельцем последний кусок хлеба.

В ответ на просьбу Илии накормить и напоить его вдова сказала: «Жив Господь, Бог твой! у меня ничего нет печеного, а только есть горсть муки в кадке и немного масла в кувшине; и вот, я наберу полена два дров, и пойду, приготовлю это для себя и для сына моего; съедем это, и умрем». И сказал ей Илия: «не бойся, пойдешь, сделай, что ты сказала; но прежде из этого сделай небольшой опреснок для меня, и принеси мне; а для себя и для своего сына сделаешь после. Ибо так говорит Господь, Бог Израилев: мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю».

Более сильного испытания ее веры нельзя было и требовать. Вдова всегда приветливо и щедро принимала всех странников. Теперь, не задумываясь о тех страданиях, которые ожидали ее и сына, и веря, что Бог Израилев поможет ей в нужде, она выдержала испытание гостеприимством и «сделала так, как сказал Илия».

Пророку Божьему сарептская женщина оказала самое радушное гостеприимство, и каким чудесным образом были вознаграждены ее вера и щедрость!

«После этого заболел сын этой женщины, хозяйки дома, и болезнь его была так сильна, что не осталось в нем дыхания. И сказала она Илии: что мне и тебе, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего.

И сказал он ей: дай мне сына твоего. И взял его с рук ее, и понес его в горницу, где он жил, и положил его на свою постель... И, простершись над отроком трижды, он воззвал к Господу и сказал: Господи, Боже мой! да возвратится душа отрока сего в него! И услышал Господь голос Илии, и возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил.

И взял Илия отрока, и свел его из горницы в дом, и отдал его матери его, и сказал Илия: смотри, сын твой жив. И сказала та женщина Илии: теперь-то я узнала, что ты человек Божий, и что слово Господне в устах твоих истинно».

(статья основана на 3-й книге Царств, 17, 8–24; 18, 1–19)

О воскрешении сына сонамитянки

Подобный случай рассказывается об ученике и преемнике Илии, пророке Елисее.

У женщины Сонамитянки, у которой иногда останавливался для ночлега пророк, умер сын. И пошла она, и положила его на постели человека Божия, и заперла его, и вышла, и позвала мужа своего и сказала: пришли мне одного из слуг и одну из ослиц, я поеду к человеку Божию и возвращусь. Он сказал: зачем тебе ехать к нему? сегодня не новомесячие и не суббота. Но она сказала: хорошо. И оседлала ослицу и сказала слуге своему: веди и иди; не останавливайся, доколе не скажу тебе. И отправилась и прибыла к человеку Божию, к горе Кармил. И когда увидел человек Божий ее издали, то сказал слуге своему Гиезию: это та Сонамитянка. Побеги к ней навстречу и скажи ей: «здорова ли ты? здоров ли муж твой? здоров ли ребенок?» – Она сказала: здоровы. Когда же пришла к человеку Божию на гору, ухватилась за ноги его. И подошел Гиезий, чтобы отвести ее; но человек Божий сказал: оставь ее, душа у нее огорчена, а Господь скрыл от меня и не объявил мне. И сказала она: просила ли я сына у господина моего? не говорила ли я: «не обманывай меня»? И сказал он Гиезию: опояшь чресла твои и возьми жезл мой в руку твою, и пойди; если встретишь кого, не приветствуй его, и если кто будет тебя приветствовать, не отвечай ему; и положи посох мой на лице ребенка. И сказала мать ребенка: жив Господь и жива душа твоя! не отстану от тебя. И он встал и пошел за нею. Гиезий пошел впереди их и положил жезл на лице ребенка. Но не было ни голоса, ни ответа. И вышел навстречу ему, и донес ему, и сказал: не пробуждается ребенок. И вошел Елисей в дом, и вот, ребенок умерший лежит на постели его. И вошел, и запер дверь за собою, и помолился Господу. И поднялся и лег над ребенком, и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нем, и согрелось тело ребенка. И встал и прошел по горнице взад и вперед; потом опять поднялся и простерся на нем. И чихнул ребенок раз семь, и открыл ребенок глаза свои. И позвал он Гиезия и сказал: позови эту Сонамитянку. И тот позвал ее. Она пришла к нему, и он сказал: возьми сына твоего. И подошла, и упала ему в ноги, и поклонилась до земли; и взяла сына своего и пошла. Елисей же возвратился в Галгал (4 Цар. 4, 21–38).

Через год по смерти Елисея несли хоронить в город одного умершего. В это время появилась толпа Моавитян, производивших набег на Израильскую землю. Несшие мертвеца испугались и бросили его в близлежащую пещеру, в которой покоился прах пророка (в гроб Елисеев). От прикосновения к останкам Елисея брошенный мертвец тотчас же ожил, и стал на ногах своих (4 Цар. 13, 20–22).

Сын Божий, во время своего пребывания на земле, постоянно и везде действовал как Владыка жизни, Победитель смерти, Избавитель страждущего человечества. Последуем за ним.

Воскрешение сына вдовы наинской

«Перенесемся мыслью в далекую древнюю Палестину, подойдем к городу Наину и увидим там несказанное, неопишное зрелище: увидим огромную толпу народа, вместе с апостолами сопровождавшую Господа Иисуса Христа, ибо вслед за Ним всегда ходили толпы народа, привлекаемого Его Божественным учением, Его преславными чудесами⁷.

Из ворот города выходит печальное шествие: несут на погребение единственного сына вдовы несчастной, и разрывается сердце ее, и плачет и рыдает она неутешно. Идут за гробом знакомые ее иудеи и плачут вместе с ней.

Господь неожиданно остановил шествие. Он подходит к одру умершего, касается рукой носилок и говорит:

– Юноша, тебе говорю, встань!

И умерший сел на носилках, с изумлением озираясь кругом.

Народ отпрянул в изумлении, у всех дрогнуло сердце и воскликнули они:

– Великий пророк восстал между нами, и Бог посетил людей Своих.

Это было одно из величайших чудес Господа Иисуса⁸.

«Часто так бывает и с нами; нас постигает горе, оно раздирает нашу душу, и перед нами стоит наша вера, стоит Господь невидимо, но так же реально, как и тогда, и мы к Нему бросаемся молитвой, кидаемся горем своим, обращаемся своей верой, колеблющейся своей надеждой, сильной своей любовью и говорим: Господи, утешь!.. Мы хотели бы, чтобы Господь положил руку на наше сердце и в ответ только на наше горе внес в наше сердце покой и в нашу жизнь такую новизну, такую глубину, которая разверзла бы нам время и вечность, которая сделала бы из нашей часто многоскорбной земли уже достигнутую, блаженную вечность. И Господь этого не творит. Он нас не вырывает из скорби земли, из той жизни, которая чередуется радостью и горем для того, чтобы наше сердце стало глубоко, чтобы сгорело все, что не есть любовь, верная, неколеблющаяся любовь, чтобы не осталось в нашей душе и в нашей жизни ничего, кроме любви. И нам тоже говорит Господь: Не плачь! – не в том смысле, что Он требует от нас забыть свое горе, а в том смысле, чтобы мы верой в Него, уверенностью в вещах невидимых могли перерасти себя, перерасти время, перерасти горе и вырасти в меру подлинного, истинного человека, который способен жить любовью к усопшим и любовью к земным, равной любовью, любовью ничем не различающейся, потому что и на земле она вечна и после смерти она остается неколебима.

С этим словом к нам постоянно обращается Господь: Не плачь! Он не говорит нам «Удерживай свои слезы». Он не говорит нам «Показывай мужество, которого в тебе нет». Он говорит: Разве ты не видишь Меня, не видишь вечность, разве ты не видишь, что усопший не умер, а уснул? Разве ты не знаешь теперь, что любовь поистине, как смерть, крепка? Разве ты еще не понял, что эта любовь соединяет небо и землю, и что уже нет той непроходимой грани, которая была до того, как Божественная любовь обитала среди нас?... Господь ставит перед нами неумолимое требование веры: брось себя жалеть, брось думать только о себе, брось сосредотачиваться на своем горе, жизнь жительствоует, жизнь бездонна, жизнь победоносна, жизнь и теперь не прекратилась ни для нас на земле, которые идем к своей смерти – и могли бы идти к ней с такой светлой надеждой, с таким радостным трепетом ожидания, ни для тех, которые, наконец, дверью смерти вошли в великий покой Господень.

Поэтому вслушаемся в эти слова евангельские, вспомним, что случилось это, может быть, в присутствии Самой Девы Богородицы, и перед Ней образно прошло то, что Ей надле-

⁷ Лк. 7, 11–16.

⁸ Газета «Таврида православная», ноябрь, 2002. № 11 (82).

жало в свое время пережить. И Она, одинокая женщина, когда-то шла за трагическим смертным шествием Своего Божественного Сына, и Она слышала в глубине души Своей, в глубинах веры Своей слово Христово: Не плачь! Церковная песнь это выражает так: Не рыдай Меня, Мати, зрящи во гробе... Мы эту песнь слышим на Страстной и умиляемся, и нам кажется так естественно, что эти слова услышала в недрах души Своей Дева Матерь. Но они обращены и к нам в нашей горе: Не рыдай меня, зрящи во гробе, восстану бо, воскресну тогда, когда все будет исполнено, всякая правда земли, когда всякое горе земное дойдет до предела и изольется на нас Господне милосердие, когда придет конец всему, когда и нам будет дано встать лицом к лицу славой Господней...»⁹

⁹ Митрополит Антоний (Блум). Ионинский листок. № 47 (322).

Воскрешение дочери Иаира

В другой раз, Спаситель в Капернауме¹⁰. Придя туда, Он узнает, что великая скорбь постигла начальника синагоги: у него умерла дочь, горячо им любимая, и событие это повергло весь дом в глубокое отчаяние. Но как все изменяется с появлением Господа!

«Скорбен был дом благочестивого Иаира до того, как на его порог ступил Сын Божий. В этом доме умирала от тяжелой болезни единственная дочь Иаира, двенадцатилетняя девочка. И как горько было отцу и матери видеть ее мученья, читать в ее глазах безмолвную просьбу: «Помогите!» Чем могли родители помочь умиравшей дочери? Разве способен земной человек спасти от смерти ближнего своего?

Но вот в сердце Иаира проснулась надежда – он услышал, что вблизи его дома находится великий Исцелитель, могущий одним словом излечить самые тяжелые недуги.

Незадолго до того Сын Человеческий изгнал легион бесов из гадаринского одержимого. Весть об этом чуде потрясла иудеев. Сам исцеленный ходил по Десятиградию, рассказывая о явленной ему милости Божией – и те, кто раньше видел его звероподобным рычащим существом, изумлялись – так спокоен и величаво красив стал он, облеченный в светлые одежды, так разумны и проникновенны сделались речи бывшего бесноватого. По его слову уверовали в Спасителя, и когда возвратился Иисус, народ принял Его, потому что все ожидали Его (Лк. 8, 40).

Среди таких уверовавших и надеющихся оказался и Иаир, отец умиравшей девочки. Он надеялся, что исцеливший ужасного бесноватого Сын Человеческий смилуетя и над больным ребенком. Движимый скорбью и упованием, он пробился сквозь окружающую Спасителя толпу, и пав к ногам Иисуса, просил Его войти к нему в дом (Лк. 8, 41). Иаир был начальником синагоги, учителем народа, пользовался всеобщим уважением и почетом, но вот, смиренный горем, он на глазах всего города упал к ногам неведомого Пришельца. И как возликовал Иаир, когда Иисус снизошел к его смирению, согласился посетить его дом! «Верующий не тот, кто думает, что Богу все возможно, но кто верует, что получит от Бога все, что просит», – говорит преподобный Иоанн Лествичник.

Иисус шествовал к дому Иаира медленно, потому что Его пути мешала жаждущая чудес толпа¹¹.

И вот одна женщина, страдавшая кровотечением двенадцать лет, потратившая на врачей все свое состояние впустую, подойдя сзади, прикоснулась края одежды Господа. И тотчас течение крови у нее остановилось. Она не случайно задела одежды Христовы, но возымела такую веру, что говорила сама себе: «Если только прикоснусь одежды Его – выздоровею!» Так и вышло. Женщина ощутила себя совершенно здоровою. Сердцеведец Господь, как Бог – Всеведущий, желая обнаружить веру исцеленной, говорит окружающим: «Кто прикоснулся ко Мне?» На что апостол Петр не без удивления отвечает: «Господи, ты спрашиваешь – кто ко Мне прикоснулся, но ведь народ Тебя окружает и теснит?» Христос же уточняет, что прикоснувшийся к Нему сделал это с особым намерением. «Ибо Я, – говорит Господь, – почувствовал силу, вышедшую из Меня». Исцелившаяся женщина увидела, что перед Всеведущим Господом укрыться нельзя, подошла со страхом и трепетом, падши перед Ним, открыла свою болезнь, свое бесполезное лечение, а главное – исповедовала свою твердую веру во Христа. Господь же сказал: «Вера твоя спасла тебя».

«В это время к Иаиру, сердце которого учащенно билось от нетерпения, подошел слуга, сказавший: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя (Лк. 8, 49). Снова несчастный отец ока-

¹⁰ Лк. 8, 49–56.

¹¹ Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким). Проповеди на воскресные евангельские чтения.

зался на грани отчаяния, но Спаситель ободрил его: не бойся, только веруй (Лк. 8, 50). На что, казалось бы, оставалось надеяться Иаиру? Все кончено, дочь умерла. Однако слова Спасителя вдохнули в Иаира мужество – и вопреки всякой очевидности, всем доводам рассудка он продолжал веровать. Такая вера есть подвиг в очах Господних, и Сын Божий не умедлил с наградой верному.

«Она не умерла, но спит» (Лк. 8, 52), – сказал Спаситель, ступив на порог дома, где покоилось бездыханное тело девочки. Родственники и знакомые Иаира, пришедшие разделить его горе, ответили на эти слова Спасителя горьким смехом. Они доверяли только своему рассудку, который говорил: тот, кто не дышит, у кого не бьется сердце, чье тело успело похолодеть, – мертв и никогда не встанет. Таковым Господь не являет чудес, ибо они недостойны их.

Спаситель выслал вон (Лк. 8, 54) всех этих маловеров. В доме остались только апостолы Христовы и родители девочки, чья любовь была сильнее доводов холодного рассудка. Взяв ребенка за руку, Иисус возгласил: «девица! встань» (Лк. 8, 54). И она встала – живая, радостная и просветленная.

«Евангелист приводит здесь два слова на арамейском наречии, каким говорил Христос для того, чтобы дать своим читателям из язычников услышать звуки речи Христовой. Переводит он эти два слова с некоторым распространением, прибавляя выражение: «тебе говорю». (Правильнее чтение: «талифа кум»))»¹².

По вере родителей Сын Божий совершил чудо телесного воскрешения их дочери. Евангелие говорит нам о том, каким образом это произошло: возвратился дух ее (Лк. 8, 55). В этом – благая весть о бессмертии нашем. Тело человеческое, взятое из земли, возвращается в землю. Но дух человека, рожденный дыханием Божиим, нельзя уничтожить – он не может сгнить, смешаться с землей, бесследно исчезнуть – он переходит в вечность. Эту-то бессмертную частицу вернул Иисус в тело дочери Иаира, совершая чудо воскрешения»¹³.

«Господь не желает, чтобы весть о первом чуде воскрешения разнеслась по стране: Он не хотел, чтобы народ, возбужденный слухом об этом необыкновенном чуде, увидел в Нем своего царя (ср. Ин 6, 15), так как это значило бы возбудить против Христа преждевременно крайнюю злобу Его врагов. Поэтому Он запрещает распространять весть о случившемся, хотя только что вызвал исцелившуюся через прикосновение к Его одежде женщину к открытому исповеданию того чуда, какое с ней совершилось. Последнее, в самом деле, не было столь необыкновенным, как чудо воскрешения.

Почему Христос велел «дать есть» воскрешенной Им девице? Древние толкователи полагали, что Он хотел этим подтвердить действительность возвращения девицы к жизни, но естественнее полагать, что Он в этом случае проявил Свою благодать и заботливость о той, которую только что воззвал из области смерти к прежней жизни. Когда все были заняты только что совершенным чудом, Он направляет внимание домашних девицы на ее положение... Евангелист Марк с такою простотою рассказывает обо всем, что подозревать его в том, что он сочинил рассказ о смерти девицы и ее воскрешении, нет решительно никакого основания...»¹⁴

¹² Архиепископ Аверкий (Таушев). Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие.

¹³ Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким). Проповеди на воскресные евангельские чтения.

¹⁴ Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета под редакцией А. П. Лопухина. В 2 т. М.: Дарь, 2006.

Воскрешение Лазаря господом нашим Иисусом христом

Одно из чудес, особенно прославивших Господа Иисуса Христа незадолго до Его страданий, в котором могущественным образом появилась Его Всемогущая сила и Его Божество, было воскрешение Лазаря. Евангелист Иоанн так описывает это событие.

Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее. Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими. Сестры послали сказать Ему: Господи! вот, кого Ты любишь, болен. Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий. Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря. Когда же услышал, что он болен, то пробыл два дня на том месте, где находился. После этого сказал ученикам: пойдем опять в Иудею. Ученики сказали Ему: Равви! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда? Иисус отвечал: не двенадцать ли часов во дне? кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним. Сказав это, говорит им потом: Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его. Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет. Иисус говорил о смерти его, а они думали, что Он говорит о сне обыкновенном. Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдем к нему. Тогда Фома, иначе называемый Близнец, сказал ученикам: пойдем и мы умрем с ним.

Иисус, придя, нашел, что он уже четыре дня в гробе. Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати; и многие из Иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их [в] [печали] о брате их. Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла навстречу Ему; Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Сказав это, пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: Учитель здесь и зовет тебя. Она, как скоро услышала, поспешно встала и пошла к Нему. Иисус еще не входил в селение, но был на том месте, где встретила Его Марфа. Иудеи, которые были с нею в доме и утешали ее, видя, что Мария поспешно встала и вышла, пошли за нею, полагая, что она пошла на гроб – плакать там. Мария же, придя туда, где был Иисус, и увидев Его, пала к ногам Его и сказала Ему: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.

Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмутился и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойд и посмотри. Иисус прослезился. Тогда Иудеи говорили: смотри, как Он любил его. А некоторые из них сказали: не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер? Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию? Итак, отняли камень [от пещеры], где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня. Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано

было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет. Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него (Ин. гл. 11). Известие о чуде распространилось по Иудее, и многие приходили в дом Лазаря и, увидев его, веровали во Иисуса Христа. Когда же о воскрешении Лазаря стало известно первосвященникам и фарисеям, они пришли в ужас. Опасаясь, чтобы весь народ не уверовал во Иисуса Христа, собрали синедрион (совет) и решили убить Спасителя.

Сейчас мы не можем пойти в дом Лазаря и убедиться в его воскрешении, поэтому трудно поверить в реальность этого события – удивительного, недоступного человеческому разуму чуда. И действительно, трудно поверить в то, что воскрес человек после четырех дней смерти, не летаргического сна или комы, а настоящей смерти, ведь когда Господь подошел ко гробу, уже чувствовался трупный запах разлагающегося тела! Но Лазарь воскрес. И после воскрешения прожил еще тридцать лет. Праведный Лазарь был очень добрым, отзывчивым и мудрым человеком. Он заботился о нищих, больных, немощных и обездоленных, устраивал приюты для бездомных и неимущих, лечебницы для бедных. С его именем связано происхождение лазаретов – полевых военных госпиталей. Святой Лазарь служил епископом на острове Кипр, где проповедовал христианство, и там же мирно почил.

Апостол Павел воскрешает юношу Евтиха

Пребывание ап. Павла в Троаде ознаменовалось одним из величайших дел благодати Божией, сопутствовавшей Павлу в его апостольской деятельности – воскрешением одного юноши, по имени Евтих, упавшего из окна дома.

Прибыв в Троаду и соединившись здесь с ожидавшими здесь апостола, ранее посланными его спутниками, святые благовестники пробыли здесь целую неделю, семь дней.

Св. Деяписатель рассказывает об одном событии, случившемся в Троаде накануне отбытия оттуда св. апостола Павла. Это событие одно из многочисленных его чудотворений. Но рассказ особенно замечателен и дорог тем, что он приподнимает завесу обыденной благовестнической жизни апостола.

Подходило к концу время пребывания апостола в Троаде. Тяжело было ученикам-христианам расставаться с возлюбленным учителем; они все больше и больше жаждали слышать его благовестие. Еще тяжелее казалась эта разлука самому апостолу. Дух Святой уже и тогда говорил ему, что узы и скорби ждут его; он знал, что ему «уже более не видеть их, хотя он и не говорил этого им, как более слабым» (Златоуст). Наступил канун отбытия апостола. Им был первый день недели, т. е. первый день после субботы. Этот день наше воскресенье, который был освящен восстанием из мертвых Господа Иисуса Христа. Хотя апостол и спешил в Иерусалим, однако этот день он проводит в общении с братьями, а не в дороге. Этого мало. Он освещает его совершением богослужения: ученики собрались (в тот дом, где имел пребывание апостол) для преломления хлеба. Это было, несомненно, принесение евхаристической жертвы, после которого совершалась, так называемая, вечеря любви. Прощальное собрание верующих началось поучением самого апостола. «Так тяжело было разлучиться ему с ними и им с ним. В то время, когда нужно было вкушать трапезу – было еще не поздно – он начал говорить. Таким образом, хотя они собрались собственно не для поучения, а для преломления хлеба, но он начал речь и продолжал ее» (Златоуст). Очевидно, на священную трапезу собрались они не вечером, но, так как случай был особенный – прощание с апостолом, то его беседа, начавшаяся до вкушения трапезы, отдала совершение самого таинства. Полный горячей любви к ученикам, исполненный великого благовестнического воодушевления, апостол продолжил слово до полуночи. За стенами горницы-храма уже царил полночный мрак, а здесь, где шла беседа о Вечном Свете, не было и ночи: тут бодрствовали во свете. Храмина и ради ночного времени и ради воскресного праздничного торжества освещалась светильниками, ручными масляными лампами, которых было достаточно. «Представьте этот дом, где были свечи и множество народа, а Павел посреди всех говорил речь, где многие заняли самые окна, чтоб слышать эту трубу и видеть это благолепное лицо. Каковы должны быть поучаемые и какое они получали удовольствие!» «Но диавол возмущил, хотя и неуспешно, это празднество» (Златоуст). Один из слушателей апостола, некоторый юноша, именем Евтих, во время беседы сидел на окне, на подоконнике, и слушал его. Окно, по восточному обычаю, было велико, не имело ни стекол, ни даже решетки. Долго длилась речь апостола. Сначала юноша внимательно слушал благовестника, не пророняя ни одного слова. Наконец, усталость брала свое: очи смежались, внимание ослабевало; но «он, будучи юношею, был не ленив и, чувствуя наклонность ко сну, не ушел и, видя опасность упасть, не устранился» (Златоуст). Наконец, усталость превозмогла силы юноши, и он погрузился в глубокий сон, отнюдь «не по лености, а по естественной необходимости» (Златоуст). Несколько мгновений сна, и потерянное равновесие заставило упасть уснувшего. Так как собрание верующих происходило в горнице третьего этажа дома, то падение для Евтиха было смертельным. Когда, быть может, тотчас же, благодаря достаточному свету в комнате, заметили падение Евтиха и спустились вниз, куда он упал, то подняли его мертвым. Текст

ясно утверждает, что упавший Евтих действительно от падения умер: это была не кажущаяся смерть, не обморок. Печальная весть о смерти упавшего тотчас же была передана наверх собравшимся братьям, и, конечно, все братья во главе с апостолом сошли вниз. Смерть упавшего подтвердилась теперь еще более всеми сошедшими. И вот, в минуту горького сожаления об умершем, великий чудотворец – св. Павел пал на него (умершего юношу) и, обняв его, сказал: не тревожьтесь, ибо душа его в нем. Апостол пал на умершего отнюдь не с тем, чтобы проницательным взором врача исследовать: есть ли в нем еще жизнь, но чтобы через свое прикосновение к телу усопшего возвратить его к жизни. Подобным же образом пророк Елисей воскресил умершего сына самаритянки, а пророк Илия – сына вдовы сарептской. Присутствовавшие были преданы сильной печалью о несчастном умершем, но скоро сия печаль претворилась в радость: апостол сказал им: не тревожьтесь, ибо душа его в нем. «Не сказал: он воскреснет, я воскрешу его; – но что? Не молитесь, не тревожьтесь. Видишь, как он был не тщеславен, как готов доставить утешение» (Златоуст)? Хотя апостол и «не говорит юноше: встань! и не упоминается о совершенных Павлом молитвах, чтобы Господь повелел юноше возвратиться к жизни», однако, когда он произносил свое победное: душа его в нем, то чудо уже совершилось: безжизненный получил снова жизнь. Воскликание апостола не имеет той мысли, что будто Евтих и не умирал; оно имеет мысль: его душа снова в нем, теперь он опять жив. Признаки жизни в умершем обнаружились тотчас же; однако, видимо, сошедшие сверху поспешили обратно, а воскрешенный с ними еще не пошел. Предъевхаристическая беседа апостола была прервана печальным случаем с Евтихом в самую полночь; но она лишь «была прервана, но не прекращена»; возвратившись, св. Павел, как предстоятель, – апостол приступил к совершению Евхаристии, преломил хлеб и вкусил вместе со всеми. Хотя по окончании Евхаристии было уже за полночь, однако, беседа длилась и после нее. И лишь, когда забрезжил свет первого рассвета, когда светильники стали меркнуть в борьбе с ранним утренним светом, тогда окончилась и беседа. Апостол должен был расстаться со своими дорогими учениками И на рассвете он, прямо после почти целых суток, проведенных в оживленной беседе, так и вышел без всякого отдыха и отправился в путь. По-видимому, воскрешенного Евтиха привели в комнату уже после того, как отбыл апостол; в таком случае, замечание св. Деяписателя: «между тем отрока привели живого и немало утешились» можно понимать так, что скорбь об отшедшем апостоле смягчилась, когда привели Евтиха, который утешил их в скорби.

Воскрешение апостолом Петром Тавифы

Невдалеке от Лидды, на берегу Средиземного моря, лежала Иоппия, древнейший город с гаванью. Здесь также были христиане, обращенные к вере, конечно, тем же благовестником, который проповедовал Евангелие во многих иудейских селениях и городах от Азота до Кесарии. В то время, как Петр исцелил Энея в Лидде, Церковь Иоппийская, и в особенности беднейшие члены ее понесли важную потерю, причиненную им смертью одной христианки, именем Тавифы. Благочестие снискало ей общее уважение, а благотворительность – особенную любовь бедных. Ее кончина поразила скорбью сердца верующих. Обмыв ее тело, они положили ее в горнице и готовились уже погребать с честью. Между тем в сетующих христианах возникло святое желание пригласить в Иоппию неподалеку находившегося апостола, дабы, по крайней мере, утешиться его присутствием. И можно ли было не ожидать чего-нибудь большего от такого могущественного мужа, который столь великое чудо совершил над Энеем? Тотчас послали двух человек с приглашением к Петру, и он вместе с посланным не замедлил прибыть в Иоппию. Лишь только явился Петр, верующие спешают ввести его в горницу, где лежала усопшая. Снова начинается плач; бедные вдовицы, более всех неутешные, восхваляют перед апостолом милосердие и сострадательность Тавифы и, в доказательство важности своей потери, показывают ему платье, которое умершая их благотворительница делала своими руками и дарила им.

Петр повинуется мановению Промысла, Который в настоящем событии открывал ему средство к утверждению и славе проповедуемой им веры. Готовясь творить дело Божие, он высылает плачущих из горницы, дабы дух его в безмолвии и тишине беспрепятственно мог исполниться силою веры и молитвы. Плач и рыдание неуместны там, где требуется вся твердость упования на Бога. Оставшись один, муж Божий преклоняет колена перед Господом, столь видимо и неоднократно являвшим ему Свою благодать, а потом, обратясь к телу, зовет: «Тавифа! Встань». Сила этого слова вводит дух жизни в умершую, и Тавифа открывает глаза свои. Петр поднимает ее со смертного одра, и в то же время, призвав верующих и бедных вдовиц, представляет им воскресшую их благодетельницу. Слух об этом чрезвычайном событии мгновенно распространился по всей Иоппии и окрестным местам. Настоящее чудодействие, подобно совершенному в Лидде, открыло также в сердцах людей свободный вход Божественной Вере.

(Деян. 9, 36–42)

Это частное воскресение нескольких отдельных личностей не есть ли для нас верный залог воскресения общего, которое будет в последний день? Если такова была власть Иисуса Христа во время Его уничтожения, когда Он, по человеческому естеству Своему (Им принятому), подвержен был, кроме греха, и всем немощам, свойственным людям, то чего же не возможет Он совершить во время Своей Славы, Своего полного могущества, когда придет Его Царствие?

Казалось бы, что свет, изливающийся из всех выше приведенных доказательств, вполне достаточен, и что нам уже нет надобности прибегать к новым доводам. Но Богу угодно было отнять у нас и малейший повод к сомнению. Он щедр на уверения, и, показав нам силу Своего Сына в воскресении некоторых умерших, Он, наконец, еще более показывает нам ее, в воскресении Христом Самого Себя.

Глава 3

Чудо воскресения Иисуса Христа и борьба веры и сомнения

Воскресение Господа нашего Иисуса Христа из мертвых

7-го апреля 34-го года нашей эры всенародно был распят на кресте Иисус Назарянин, Царь Иудейский. В 3 часа пополудни смолк на кресте последний возглас Искупителя рода человеческого; измученный ужасными страданиями, пригвожденный к кресту, пронзенный смертельным ударом копья, спаситель мира испустил последний вздох. Смерть Богочеловека, по свидетельству св. евангелистов, сопровождалась великими явлениями во вселенной: природа застонала от знамений, вселенная мраком облеклась («солнце померкло»), земля вострепетала. Камни расселись, гробы мертвецов открылись, и многие тела усопших святых воскресли, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу, знаменуя собою отверстия рая. Многочисленные враги Распятого Иисуса Христа, видя землетрясение и все происходящее, устрашились весьма и разбежались, а немногие друзья его приблизились, чтобы благоговейно снять с креста пречистое тело Божественного Страдальца и похоронить его, согласно с иудейскими религиозными обычаями. Друзья Господа нашего Иисуса Христа осуществили свое высокое желание. Иисус Христос был в тот же вечер погребен в новом гробе, к которому Его враги привалили огромный камень, приложили печать и приставили стражу.

Находясь плотью в гробу, Спаситель безгрешной Своей человеческой душой сошел в ад, чтобы сущим в темнице душам проповедовать о спасении, чтобы исхитить из ада его добычу, пленить плен и вывести на свободу содержимых под властью диавола. По словам св. Иоанна Дамаскина, «хотя Христос умер, как человек, и святая душа Его разлучилась с телом по месту, однако Божество Его пребыло неразлучно с обоими, т. е. с душою, которою Он сошел в ад, и телом»¹⁵. Господь соблюл закон мертвых, чтобы быть первородным из мертвых, и пробыл до третьего дня в преисподних местах земли, а потом, восстав в плоти, восшел к Отцу»¹⁶. «И ад, – по свидетельству св. Иоанна Златоуста, – был пленен, упразднен, поруган, умерщвлен, низложен»... «Ибо Господь, – богословствует другой св. отец, – сокрушил мрачные затворы унылого ада, даровал свободу душам»... Сошествие Иисуса Христа в ад и изведение его пленников, таким образом, является свидетельством совершившейся победы Христа над диаволом и уничтожения его власти над душами умерших. Являясь же сокрушителем царства диавола, Христос является вместе с тем и Основателем Своего собственного царства, объемлющего всех людей всех времен без различия, и не одоленного для врат ада.

«Распят, умер и погребен Иисус Назарянин, Царь Иудейский», – так, по-видимому, завершилась земная жизнь Спасителя мира. Надменные враги Христа торжествовали над Ним. Друзья Иисуса Христа, поверженные в уныние, трепетали как агнцы посреди волков. Врагам Иисуса Христа казалось, что Его, Распятого на кресте, ожидала печальная участь обыкновенного смертного человека, т. е. что Его жизнеописание не переступит за пределы

¹⁵ Св. И. Дамаскин. Точное изложение православной веры III, 27 и 29. Это учение о сошествии Иисуса Христа в ад св. Иоанн увековечил в известной церковной песне: «Во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог»...

¹⁶ Св. Ириней, еп. Лионский. Против ересей. V. Кн. XXXI, 2. В этом смысле о сошествии Иисуса Христа в ад поется в одной церковной песне: «Днесь ад стена вопиет: разрушился моя власть, приях Мертваго, яко единого от мертвых, сего бо держати отнюдь не могу» (Стихира Великой Субботы).

могилы. Им казалось, что словом «совершилось» – был положен конец всем действиям Иисуса Христа. Но в действительности произошло совершенно наоборот.

Распятый, умерщвленный Христос не остался во власти смерти; Он с победною славою исходит из врат смерти. На третий день после Его Крестной смерти, в глубокую полночь, в прекрасном и тихом саду, где находился гроб Богочеловека и слышался лишь говор стражи и лязг ее оружия, поколебалась земля, и Христос после смертного покоя «воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1 Кор. 15, 20). Это величественное и необыкновенное событие, одних приведшее в смертельный ужас, других же поразившее такою радостною вестью, что в волнении они не могли поверить всему случившемуся и только дивились, совершилось на заре дивного весеннего дня, осветившего всю вселенную, в 34-м году нашей эры. Воскресение Иисуса Христа из гроба последовало по разрушении Им ада и состояло в том, что человеческая душа Господа Иисуса Христа воссоединилась с пречистым телом, которое покоилось в гробе, но восстало прославленным, светоносным, одухотворенным и бессмертным. «Христос воскрес из мертвых, ибо Он, будучи, Бог, был и человек: умер и погребен и затем восстал; чем умер, тем и воскрес; телом умер, телом и воскрес»¹⁷.

Факт светоносного воскресения Иисуса Христа из мертвых приковывает к себе внимание всего человечества и вызывает у последнего, с одной стороны, чувство благоговейного удивления, а с другой, – восторга и преклонения перед «тайной» воскресения. Причина этого обстоятельства лежит в чудесности величайшего события воскресения Иисуса Христа и в особенной важности его для христианства: все христианство, в сущности, покоится на величайшем акте воскресения Иисуса Христа, ибо, по словам св. ап. Павла: «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша» (1 Кор. 15, 14).

Весть Ангела: «воскрес Христос, Его нет здесь» (Мк. 16, 6), в первый раз им сообщенная женам мироносицам, для христиан всегда является вестью сладкою, небесною. Христианам она приносит радость, восторг и торжество. Воскресение Христа из мертвых празднует вся тварь; не только люди – христиане, живущие на земле, но и обитатели неба радуются и поют: «Христос воскрес!»

Для христианина воскресение Христово есть вожделенный и спасительный праздник, есть праздник праздников и торжество из торжеств, царица дней, торжество, превосходящее, как солнце – звезды, не только все человеческие и земные праздники, но и праздники в честь Христа. В течение каждой недели св. Церковь отделяет день для славного воспоминания воскресения Христова, – и этого высокого и умирительного торжества не могут омрачить у верных членов ее ни пост, ни слезы. Но духовная наша Мать (св. Церковь) не довольствуется этим, она назначает особое время, в продолжение которого светло и с величественною в самой простоте своей торжественностью поет: «Христос воста – веселие вечное». В дни светлой седмицы Св. Церковь предлагает своим чадам в своем богослужении все самое высокое, таинственное, непостижимое. Светлое, отрадное и утешительное для души человека – христианина. Небесная радость слышится в каждом звуке священных песнопений св. Церкви. Церковно-богослужебные обряды и священные песнопения в честь и славу воскресшего Господа своею торжественностью и умирительностью превосходят другие обряды и другие песнопения. В пасхальных песнопениях содержится такое дивное богатство мысли и чувства и вместе с этим такая художественная красота, что ими поражается и умиляется самое черствое сердце.

Радость и торжество св. Церкви и каждого в отдельности человека – христианина о Воскресшем Христе вполне законны, справедливы. Телесное воскресение Спасителя рода человеческого есть самое твердое основание всего христианства. Оно есть начало христианства – веры и Церкви Христовой. На этом пресветлом событии утверждаются все наши

¹⁷ Епископ Феофан. Толкование 1 послания св. ап. Павла к Коринфянам. М., 1893. Изд. 2-е. С. 540.

надежды и наша любовь, в нем – все наши радости, все наше счастье, о котором мы с младенчества тоскуем. «Воскресение Иисуса Христа из мертвых, – справедливо говорит один почтенный отечественный богослов, – есть величайший акт в земной жизни Спасителя мира, славное завершение Его земного служения, – акт окончательной победы жизни над смертью, имеющий поэтому неизмеримое значение в истории человечества, как освобождение его от уз смерти».¹⁸

Эту глубокую и непреложную истину о значении великого события воскресения Христова в системе христианского вероучения подтверждают и иностранные мыслители. По словам Д. Штрауса: «Воскресение Иисуса образует центр центра, собственное сердце христианства, – христианство стоит и падает с фактом воскресения».¹⁹ По свидетельству Пресансе: «если воскресение не останется, как основная часть христианства, то о прочем не стоит и говорить».²⁰

Как же, поэтому, не радоваться о Воскресшем Христе, как не просветиться торжеством в день Светлого Христова Воскресения. Как не веселиться душой?! Добрые люди! Возрадуемся и возвеселимся в светлый день Воскресения Христова! Войдем все в радость Господа своего, и радость Христова, радость вечная да будет со всеми нами!..

(из книги С. Д. Булгакова «Воскресение Господа нашего
Иисуса Христа из мертвых и его значение в деле
искупления человеческого рода». Курск, 1912)

¹⁸ Богословская энциклопедия. СПб., 1902. Т. 3. С. 893.

¹⁹ Strauss D. F. Die Halben und die Ganzen, 1865.

²⁰ Ульгорн Г. Воскресение Иисуса Христа, его действительность и значение в деле искупления. Пер. с нем.: Православное обозрение, 1870. Т. 1. С. 600.

Да, Христос действительно воскрес!

Апостол Павел, в первом послании своем к Коринфянам (гл. 15, 14) говорит, что если Христос не воскрес, то тщетна и вера наша. Да, вера наша в Божественность Иисуса Христа основана на твердом убеждении нашем, что Он действительно умер и воскрес. Вот почему неверующие люди стараются подорвать в нас веру в воскресение Его.

Против действительности воскресения Иисуса Христа они приводят обыкновенно три возражения: 1) ученики Иисуса украли Его тело и разгласили, что Он воскрес; 2) Иисус не умер на кресте, а был погребен мнимоумершим, затем ожил и явился своим ученикам; и 3) Иисус воскрес не в действительности, но лишь в воображении Его учеников.

Рассмотрим эти возражения по порядку.

Евангелист Матфей свидетельствует, что после погребения Иисуса Христа, на другой день, в субботу, пришли к Его гробу (пещере, высеченной в каменной скале) первосвященники и фарисеи, приложили к камню, которым заложен был вход в пещеру, печать и приставили стражу, дабы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу, что Он воскрес из мертвых (Мф. 27, 63–66).

Принимая такие предосторожности, как прикладывание печати синедриона к камню и приставление стражи, они, конечно, предварительно удостоверились: в гробу ли тело Иисуса? Не украдено ли уже оно Его учениками в предшествовавшую ночь? Если бы тела уже в то время не было в гробу, то незачем было бы и стражу приставлять. Поэтому, следует признать, что первосвященники и фарисеи тогда только успокоились, когда увидели тело Иисуса Христа лежащим в гробу; только тогда они приложили к камню печать, поставили стражу и удалились.

Из дальнейшего повествования Ев. Матфея мы знаем, что когда Иисус Христос воскрес и стражники объявили о том первосвященникам, то они, собравшись со старейшинами и, устроив совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги, поступили, как научены были (Мф. 27, 11–15).

Итак, первосвященники и старейшины, подкупая стражников, обещали им освободить их от ответственности перед римским правителем, Пилатом. Если бы стражниками были служители синедриона или храма, неподчиненные в служебном порядке Пилату, то они не могли бы быть привлечены Пилатом к ответственности за неисполнение служебного долга, и потому незачем было бы обещать им освобождение от такой ответственности, от которой синедрион мог освободить их собственной властью. А если такое освобождение было обещано, то это означает, что стражниками были римские воины, предоставленные в распоряжение синедриона на праздники Пасхи для охранения порядка. Им действительно угрожала бы большая ответственность, если бы Пилат узнал, что они на карауле спали все до единого. В римских войсках была строгая дисциплина, нарушение которой беспощадно наказывалось: Ирод казнил воинов, карауливших апостола Петра в темнице, за то, что они не устерегли его, освобожденного чудесным образом (Деян. 12, 19). Такой же казни подлежали и воины, на дежурстве которых произошло бы похищение охраняемого ими тела Иисуса. Однако, их не только не казнят, но даже не судят. Несомненно также, что вмешательство ненавистного Пилату синедриона не могло бы освободить стражников от ответственности. С другой стороны, если бы действительно апостолы украли тело Иисуса, то неужели озлобленные враги Христа не пожелали бы воспользоваться удобным случаем, чтобы сразу избавиться и от всех ближайших учеников Его? Неужели они не потребовали бы от Пилата и их крови? Ведь расследованием этого дела и казнью апостолов они не только оправдались бы

перед народом за отвержение Иисуса, но еще и значительно окрепли бы в своем влиянии на него. Однако ничего подобного синедрион не предпринимает. Мало того, через несколько недель, когда апостолы своей проповедью о воскресении Иисуса стали обращать к Нему тысячи евреев, и синедрион потребовал их к себе, то и здесь не решился обвинять их в похищении тела Иисуса, а ограничился лишь запрещением проповедовать (Деян. 4, 18). Что же за причина такого поведения первосвященников, фарисеев и старейшин народных? Причина понятна: сами они выдумали сказку о похищении тела Иисуса и потому прекрасно понимали, что возбуждение преследования стражников и апостолов обличит их самих в обмане, навлечет на них страшную ответственность и усилит в народе веру в действительное воскресение Иисуса. Лучше молчать, решили они, и затем, по прошествии некоторого времени, обратить в свою пользу невыясненность дела; тогда еще кто-нибудь поверит им, а при возбуждении преследования против мнимо-виновных никто не поверит. Вот почему они постыдно молчали.

Обратимся теперь к апостолам и постараемся узнать: могли ли они похитить тело Иисуса? Апостолы, несомненно, любили Иисуса, верили в Него, как в Мессию, и с нетерпением ожидали наступления того счастливого времени, когда Он откроет Свое Царство, в котором они займут почетнейшие места. Они, как и все евреи того времени, верили, что Мессия будет царствовать вечно, следовательно, умереть не может. Вот почему им всегда были непонятны слова Иисуса о предстоящей Ему смерти; они не хотели верить в возможность Его смерти, а потому и не придавали никакого значения Его словам о воскресении; они считали эти слова за иносказания, притчи, к каким так часто прибегал их Учитель. И вдруг, Иисуса распинают! Он умер и погребен, как и все люди! Если Он умер, рассуждали апостолы, то значит Он не Мессия; а если Он не Мессия, зачем же Он обманывал нас? Мысли эти, несомненно, волновали апостолов. А если в души их закралось сомнение, если они считали себя обманутыми, то спрашивается: какое дело было им до тела Того, Кто ввел их в такое ужасное заблуждение? Ведь они не нашли даже нужным пойти, подобно женам-мироносицам, к гробу Иисуса, чтобы воздать телу его обычный долг уважения и почета! А при таком душевном состоянии апостолов похищение ими тела Иисуса было бы бессмысленным и бесцельным, но вместе с тем и крайне опасным делом. Вход в пещеру, где лежало тело, был завален громадным камнем и охранялся вооруженной стражей. Придти, отвалить камень, войти в пещеру, взять тело и унести его, и совершить все это так, чтобы стражники не заметили ничего, – да это более чем невозможно! С другой стороны, если бы апостолы верили, что Иисус воскреснет, то и в таком случае похищение ими Его тела было бы бесцельным, даже безрассудным: к чему похищать тело, если оно в третий день будет воскрешено? Наконец, если бы враги Иисуса намеревались надругаться над Его телом, то в таком только случае у учеников Его могла возникнуть мысль о перенесении тела в безопасное место; но ничего подобного со стороны врагов не обнаружено; напротив, Иисуса похоронили по всем обрядам еврейским, а к гробу Его приставлена стража. К тому же, не представлялось никаких поводов даже к возбуждению подобного вопроса, во-первых, потому, что издевательство над телом умершего не могло обойтись без прикосновения к нему, всякое же прикосновение к умершему считалось осквернением; и еще потому, что евреи, как об этом свидетельствует Иосиф Флавий²¹, так заботились о скорейшем и непременно погребении умерших, что даже пригвожденных к кресту по судебному приговору снимали с крестов до захода солнца и погребали.

Помимо всего этого следует признать, что апостолы, по своим нравственным качествам, даже не способны были похитить тело Иисуса и затем ложно уверять всех, что Он воскрес. Ведь они пронесли по всему миру проповедь о воскресшем Христе и не отреклись

²¹ Иосиф Флавий. Иудейская война, кн. 4, гл. 5, 2.

от своей веры в Его воскресение ни при гонениях, ни даже тогда, когда их вели на казнь за эту веру. Значит, они непоколебимо верили в то, что Иисус действительно воскрес; а такой веры они не могли бы иметь, если бы сами похитили тело Иисуса и спрятали от Его врагов. И что заставило бы их уверять всех, что Иисус воскрес, если бы Он не воскресал? Прежняя любовь к Нему? Но эта любовь должна была бы не только угаснуть, но даже превратиться в ненависть, так как они поняли бы, что были обмануты, обольщены несбыточной мечтой, а потом брошены на произвол судьбы.

Итак, следует признать, что апостолы не похищали, да и не могли похитить тело Иисуса.

Второе возражение против действительности воскресения Иисуса Христа, заключающееся в том, что Он, будто бы, не умирал, опровергает Штраус: «Вышедший из гроба полумертвым (говорит Штраус), ходящий в болезненном виде, нуждающийся во врачебных пособиях, перевязках, подкреплении и уходе за ним и, наконец, изнемогающий от страданий никак не мог бы произвести на учеников того впечатления Победителя над смертью и гробом, Владыки жизни, которое служило основанием дальнейшей их деятельности; такое возвращение к жизни только ослабило бы то впечатление, какое Иисус производил на учеников Своих при жизни, исторгло бы у них в высшей степени плачевные вопли, но никак не могло бы превратить их скорбь в воодушевление, их уважение к Нему возвысить до обожания».

Кроме того, если допустить предположение о мнимой смерти Иисуса Христа, то тогда придется допустить также предположение и о том, что Иисус Христос, чтобы уверить Своих учеников в Своем воскресении, должен был обманывать их и затем, после нескольких явлений им, скрыться от них навсегда и провести остальное время Своей жизни в неизвестности, то есть надо признать Иисуса обманщиком. Однако, на это не решается никто, кроме коснеющих в своем заблуждении евреев; никто не осмеливается называть Его обманщиком: люди, отвергающие Его Божество, признают Его совершеннейшим в нравственном отношении Человеком.

Итак, следует признать, что Иисус Христос действительно умер. Остается рассмотреть последнее возражение: самообольщение апостолов.

Неверующие признают, что ученики Иисуса Христа могли сделаться побеждающими мир апостолами Евангелия только при помощи твердой веры в Его действительное воскресение. Но они же полагают, что такая вера могла возникнуть в них не вследствие действительного воскресения Христа, а вследствие особого душевного состояния их мечтавших о воскресении своего Учителя, страстно желавших видеть Его воскресшим, и потому принявших за действительное явление им Христа лишь представившееся их расстроенному воображению видение Его.

Проследим душевное состояние апостолов, в каком они находились после распятия их Учителя, чтобы решить вопрос: могли ли они дойти до мечтательного созерцания Иисуса Христа, как бы воскресшего из мертвых?

Когда Иисус Христос, задолго еще до Своей крестной смерти, стал открывать ученикам Своим, что Ему нужно идти в Иерусалим, и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть (Мф. 16, 21), то апостол Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою! (Мф. 15, 22). Говоря так, апостол Петр, очевидно, не понимал значения слов «и в третий день воскреснуть», а сосредоточил все свое внимание на словах «и быть убиту», и стал прекословить Ему, так как, по понятиям иудеев того времени, Мессия не мог быть убит, Он должен царствовать вечно.

В другой раз, когда Иисус Христос, после Своего Преображения, сходил с горы с апостолами Петром, Иоанном и Иаковом, и велел им никому не рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых, то они спрашивали друг друга: что

значит – воскреснуть из мертвых? (Мк. 9, 9–10). Эти три апостола, избранные Иисусом из двенадцати для присутствия при Его Преображении, знали, конечно, что значит вообще воскреснуть из мертвых, так как ранее того, в их же присутствии, Иисус Христос воскресил дочь Иаира и сына вдовы Наинской; а потому, если они недоумевали и спрашивали – что значит воскреснуть из мертвых? – то это недоразумение относилось исключительно к самому Иисусу Христу, который, если Он Мессия, не мог и умереть, а если не мог умереть, то как же Он воскреснет из мертвых?

Когда, при последнем путешествии Своем в Иерусалим, Иисус Христос, подозревая двенадцать апостолов, опять начал говорить им о том, что будет с Ним, – что осудят Его на смерть и предадут на распятие, и в третий день воскреснет, то все они ничего из этого не поняли; слова эти были для них сокровенны, и они не поняли смысл сказанного (Лк. 18, 34), по той же конечно, причине.

Когда Иуда-предатель привел в Гефсиманский сад первосвященников, начальников храма, старейшин, тысяченачальника, воинов и служителей иудейских, чтобы взять Иисуса, когда начиналось уже исполнение предсказаний Спасителя о Своих страданиях и смерти, апостолы и тут не хотели верить возможности страданий Мессии и, желая защитить Его от угрожавшей опасности, сказали Ему: Господи! Не ударить ли нам мечом? А пылкий Петр, не дождавшись ответа Иисуса, выхватил меч и ударил им первосвященнического раба.

Когда же Иисус запретил им защищать Его силою, когда Его взяли и повели из сада, то все ученики, оставив Его, бежали. Бежали, конечно, и от страха преследования со стороны мстительных фарисеев, и, быть может, от закравшегося в них сомнения – Мессия ли Иисус, если Его взяли и повели, как преступника?

Под влиянием этих волновавших их чувств, они если и видели, как распинали их Учителя, то лишь издали, прячась в толпе; один только Иоанн не побоялся стоять у креста. Когда же Его сняли с креста и погребли, как человека, они пришли в уныние, переходящее нередко в разочарование.

Вот каково было душевное состояние апостолов, когда они лишились своего Учителя и остались одни: страх преследования, уныние, недоумение, сомнение, тоска, отчаяние... но только не ожидание воскресения Иисуса Христа, в которое они положительно не верили, о котором даже и думать не могли.

Уныние, безнадежность и неверие апостолов были так сильны, что когда жены-мироносицы возвестили им о воскресении Иисуса Христа, то показались им слова их пустыми, и не поверили им (Лк. 24, 11). А Клеопа и другой ученик, шедшие после того, в тот же день, в Еммаус, полные безнадежности и разочарования, рассказывая о крестной смерти Иисуса, сказали: «А мы надеялись было, что Он есть Тот, который должен избавить Израиля». Передавая далее сообщение некоторых женщин о явлении им Ангелов, сказавши, что Иисус жив, эти ученики обнаружили полнейшее неверие в возможность воскресения Его, так как добавили, что женщины те изумили их (Лк. 24, 21–22).

В виду таких доказательств неверия апостолов даже в возможность страданий и смерти, а следовательно и воскресения Мессии, отпадают сами собою уверения неверующих, что апостолы были так подготовлены к этому воскресению, так сильно мечтали увидеть воскресшего Христа, с такой уверенностью ожидали Его, что вызванное их мечтательностью и представшее их расстроенному воображению видение Иисуса Христа приняли за действительное явление Его им, за воскресение Его из мертвых!

Они забывают, что в состоянии полного уныния и безнадежности, в какое повергла апостолов смерть их Учителя, такое мечтательное настроение невозможно. Только чудо воскресения, только действительное явление воскресшего Иисуса могло рассеять сомнения Его учеников; да и то, для рассеяния сомнений, потребовались осязательные доказательства.

Ап. Фома, не присутствовавший при первом явлении апостолам воскресшего Христа, сказал: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, – не поверю! (Ин. 20, 25), то есть не поверю, что Он жив, что Он воскрес. Но один ли Фома обнаружил в такой резкой форме свое неверие? Не были ли грешны в том же и другие апостолы? Ответ на это мы находим в Евангелиях Марка, Луки и Иоанна: когда, в первый день воскресения Своего, Иисус явился собравшимся в доме ученикам и сказал: мир вам! Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги (Лк. 24, 36–40).

В первом соборном послании ап. Иоанна, в словах «что осязали руки наши» содержится некоторое указание, которое допускает возможность предположения, что, при первом явлении Иисуса, апостолы осязали руки и ноги Его. Когда же они от радости еще не верили и дивились (Лк. 24, 41) и, по-видимому, обнаружили желание еще более удостовериться, что пред ними стоит не дух, а Сам воскресший Христос, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними (Лк. 24, 41–43). Вот какие доказательства потребовали апостолы, чтобы убедиться в действительном воскресении Иисуса Христа.

При чтении этих повествований может показаться даже обидным это маловерие апостолов в Божественность своего Учителя; но, при серьезном размышлении об этом маловерии, приходишь к заключению, что так было угодно Богу. Да, Богу угодно было привести апостолов к сознательной вере в Иисуса Христа, как Сына Божия, и устранить всякую возможность обвинять их в вере слепой, в легкомысленности и мечтательности: ведь им надлежало идти в мир и свою веру передать другим; ведь их вера должна была быть крепка, как камень, и на камне том должна была воздвигнуться Церковь Христова! Вот чем мы объясняем все маловерие, все сомнения апостолов.

Когда апостолы истребованием обидно осязательных доказательств убедились, наконец, в том, что Иисус Христос действительно воскрес не только духовно, но и телесно, – тогда только открылись их сердца, до тех пор окамененные, – тогда только они осознали всю нелепость раввинских учений о вечном земном царствовании Мессии и покорении Им Израилью всех народов земли, – тогда только они поняли истинный смысл и значение всего слышанного ими учения Иисуса Христа и уверовали, что Он действительно обещанный Мессия, Сын Божий. С этой твердою, как камень, верою они выступили на проповедь.

В пятьдесят второй день после распятия и смерти Иисуса Христа, апостол Петр открыто проповедовал в Иерусалиме о Его воскресении, и в подтверждение события воскресения ссылался на всех апостолов, как свидетелей: Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели (Деян. 2, 32). Эта проповедь произвела потрясающее впечатление на слушателей, в числе которых, вероятно, были и те, которые недавно кричали Пилату – распни Его! Тотчас же около трех тысяч человек уверовали в воскресшего Христа и крестились (Деян. 2, 41).

Такая смелая проповедь Петра, такое прямое обвинение руководителей еврейского народа в убийстве Мессии, должны были встревожить первосвященников и фарисеев. Если Петр и другие апостолы, на которых он ссылается, как на свидетелей, обманщики, то надо было немедленно изобличить их в обмане. Место погребения Иисуса было хорошо известно им: они же приложили к нему печать синедриона. Если Он не воскрес, если тело его лежит в гробу, то стоило только повести эту, обращенную Петром, трехтысячную толпу ко гробу, показать лежащее в нем тело Иисуса и обнаружить обман. Но они молчат, потому что знают уже, что гроб пуст. Но где же тело Иисуса? Если его украли ученики, то надо было тотчас же привлечь их к суду, уличить их показанием стражников, карауливших тело, и тем воспрепятствовать Петру ссылаться на свидетельство апостолов. Но убийцы Христа и этого не

делают, так как не уверены, что стражники поддержат на суде их клевету. Так где же тело Иисуса Христа, если гроб пуст и оно не украдено учениками Его? Где?

Вопросы эти не могли не волновать членов синедриона. Они первые должны были всесторонне исследовать их, так как им принадлежало руководство еврейского народа в религиозно-нравственном отношении; на них же лежала и ответственность за пролитую кровь Иисуса; и они, конечно, не преминули тщательно, хотя и негласно, убедиться в справедливости слов стражников, первых свидетелей чуда воскресения. Трудно допустить предположение, что они оставили эти слова без проверки; правдоподобнее считать, что они лично, хотя и не в полном составе синедриона, ходили к гробу Иисуса и видели его пустым. После тщательного исследования, они не могли не признать, что Иисус Христос действительно воскрес. Но отчего же они постыдно молчали о том? Отчего всенародно не исповедали свой тяжкий грех? Отчего своим публичным покаянием не оградили народ свой от грозивших ему бедствий?

Да оттого, что этим развращенным людям блага земные были ближе, дороже благ небесных. Они не надеялись покаянием получить прощение своего тяжкого греха; но, вместе с тем, они прекрасно понимали, что всенародное покаяние их в убийстве Мессии повлекло бы за собою немедленное избиение их камнями тем же народом, который был вовлечен ими в соучастие в этом преступлении. В страхе за свою жизнь, они молчат, боясь преследования; они бессильны возражать Петру, собирающему вокруг себя народ и проповедующему о воскресении распятого ими Христа; но видения Креста и пустого гроба не дают им покоя; они хотели бы забыть даже Имя Распятого ими, но не могут: молва о Нем в народе растет, Именем Его Петр исцелил уже хромого от рождения, толпы идут к нему креститься, исповедуя воскресшего Христа... И вот, убийцы Его, призвав Петра и Иоанна, оказываются бессильными сказать что-либо против события воскресения, и ограничиваются лишь приказанием «отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса» (Деян. 4, 18).

Таким образом, отпадают все возражения против чуда воскресения Иисуса Христа; разбор же их выясняет, что чудо это действительно совершилось.

Тщательно опечатанный гроб с телом Иисуса, оказавшийся на третий день погребения пустым, клевета синедриона о похищении тела учениками, удостоверяющая, при всей своей наглости и лживости, что гроб действительно опустел, – неверие апостолов в возможность воскресения Мессии, который, по понятиям иудеев, не мог и умереть, – неверие их в воскресение их Учителя даже и тогда, когда возвестили им о том жены-мироносицы, – то же неверие их даже при явлении им воскресшего Иисуса, – требование от Него осязательных доказательств действительности Его телесного воскресения, – осязание собственными руками ран Иисуса, – принятие, в их присутствии, Иисусом Христом пищи, – последующее явление Иисуса Христа апостолам и вознесение Его, – непоколебимая затем уверенность апостолов в том, что явившийся им Христос есть действительно Воскресший из мертвых, – смелая и не останавливающаяся ни перед чем проповедь их об этом чуде, – и, наконец, полное бессилие недавно еще сильного синедриона, и даже отсутствие каких-либо серьезных попыток с его стороны опровергнуть эту не умолкавшую проповедь апостолов, везде провозглашавших, что ХРИСТОС ВОСКРЕС... – все это заставляет и нас с твердым убеждением сказать: да, ВОИСТИНУ ВОСКРЕС!

(из книги Б. И. Гладкова

«Да, Христос действительно воскрес!», СПб., 1906)

Значение телесного воскресения Христова

Празднуемое нами Воскресение Иисуса Христа из мертвых есть величайшее событие, равного которому нельзя найти во всей мировой истории; оно есть солнце, а все другие евангельские события земной жизни Спасителя мира суть звезды. Оно есть единственное и величайшее чудо в истории человеческого рода, чудо из всех чудес, и по своему всемирному и вековечному значению превосходит все когда-либо бывшее, бывающее и будущее. Воскресение Иисуса Христа, по свидетельству весьма многих мест Св. Писания, этих драгоценных жемчужин, отражающих в себе лучи божественного ведения, а также и по прямому свидетельству учения православно-христианской Церкви, проливает обильный, чудный свет на всю систему христианского вероучения и нравоучения и дарует непобедимую силу Церкви Христовой.

Значение телесного воскресения Христова состоит, прежде всего, в том, что оно служит для нас сильнейшим, важнейшим и яснейшим доказательством Божества Иисуса Христа, Божественности Лица Его. Чрез величайшее чудо воскресения из мертвых Иисус Христос во всей силе открылся нам истинным Сыном Божиим, Богочеловеком. Воскреснуть из мертвых Своею собственною силою в жизнь вечную, разрушить смерть, может только То Существо, Которое обладает в себе Самом жизнью и свободно распоряжается ею (следовательно, Существо самобытное в Своем происхождении и жизни), только То Существо, само имя Которого – жизнь, и Которое, будучи человеком, в то же время есть действительно Лицо Божественное. Иисус Христос воистину воскрес из мертвых Своей силой и тем, следовательно, наглядно показал всем, что Он есть, несомненно, истинный и всемогущий Сын Божий, действительно есть Богочеловек, обетованный Мессия. «В самом деле, чудеса, которые творил Господь Иисус Христос во время земной жизни Своей над другими, даже и самое дивное из них – воскрешение мертвых, творили и пророки, хотя не с таким полномочием, как Он... Но никогда не было и нельзя представить возможным, чтобы человек воскресил самого себя: и потому самовоскресением Господа Иисуса Христа дано совершеннейшее удостоверение в том, что Он есть истинный Бог, владычествующий жизнью и смертью, и Божественный Спаситель, имеющий власть воскресить всех человеков, умерщвленных прегрешениями!»²²

Итак, чудо воскресения Христа из мертвых, прежде всего, наложило видимую печать Божественности на личность Основателя христианской религии, а, следовательно, на все учение и на все дела Его. Воскресение Спасителя мира своей истинностью и действительностью запечатлело все знамения славы Сына Божия. Мысль о таком значении Своего воскресения подал Сам Иисус Христос. Приведем факты, свидетельствующие о том, что Иисус Христос Свое воскресение из мертвых полагает сильнейшим удостоверением Своего Божества. Вполне достаточным удовлетворить самое капризное и притязательное сомнение. Когда иудеи, удивленные необычайной властью, которую показал Иисус Христос, изгоняя торжников и меновщиков из иерусалимского храма, спросили Его: «Каким знамением докажешь ты нам, что имеешь власть так поступать?» Тогда Он, преимущественно пред многочисленными и разнообразными чудесами Своими, указал на чудо Своего воскресения. Иисус сказал иудеям в ответ: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2, 13–19), т. е. в третий день воскресну. Это Он говорил о храме тела Своего, объясняет нам евангелист Иоанн; и ученики в этом именно смысле и поняли слова Его.

Припоминается нам еще и другая, подобная первой, картина из жизни Спасителя мира. Вот она: Иисус Христос уже сотворил множество чудес, исцелил тысячи больных и бесно-

²² Филарет, митрополит Московский. Слова и речи. ч. III. С. 22.

ватых, совершил несколько примеров воскресения мертвых, и, однако, иудеи не веровали в Него. Приступают к Нему фарисеи и саддукеи и просят показать им знамение с неба, т. е. такое знамение, которое сразу заставило бы их признать Христа за, несомненно, истинного Сына Божия. Иисус Христос ответил им: «род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы-пророка» (Мф. 16, 2–4). Подобным же образом на вопрос уверовавших в Него иудеев: «Кто Ты?» Спаситель сказал: «Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я, и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отче Мой, так и говорю» (Ин. 8, 28) – без сомнения, потому, что за вознесением на крест имело совершиться Его светлое воскресение из мертвых.

Ученики Иисуса Христа видят в событии воскресения величайшее знамение Божественности Своего Учителя. Св. апостол Павел пишет, что через воскресение из мертвых Иисус Христос открылся (определился) Сыном Божиим (Рим. 1, 4). Правда, Он, как Богочеловек, явил Себя Сыном Божиим и до воскресения, но слава Божества Его тогда была сокрыта под покровом уничиженного человечества. По словам св. ап. Петра, воскресение Иисуса Христа есть главнейшее удостоверение Его Божественности и Божественного посланничества: «Твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли; Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти»²³. «Бог, – говорит св. ап. Петр, – воскресил Его, т. е. Иисуса Христа, из мертвых и дал Ему славу, чтобы мы имели веру и упование на Бога» (1 Пет. 1, 21). Смысл слов св. ап. Петра таков: славный факт воскресения Иисуса Христа из мертвых совершенно изглаживает наложенный, по мнению большинства иудеев и эллинов, смертью отпечаток соблазна и позора на Него: свет телесного воскресения Христова постепенно разгоняет мрак Его крестной смерти. По воскресении Своего тела Иисус Христос воспринял ту небесную славу, какую Он имел у Отца Своего прежде бытия мира, и сделался немерцающим сиянием славы Отчей здесь на земле.

Вера учеников в Иисуса, как истинного Сына Божия, обетованного Христа, Богочеловека, Господа неба и земли, Владыки жизни и смерти и т. п., приобрела истинность и твердость по воскресении Божественного Страдальца. Правда, ученики Иисуса Христа еще в дни земной жизни Своего Божественного учителя высказывали веру в его Божественное достоинство, о чем особенно свидетельствует факт исповедания ап. Петром от лица всех учеников Иисуса Христа Сыном Божиим (Мф. 16, 16). Но эта вера их под впечатлением последних печальных событий из земной жизни своего Учителя, именно осуждения и вознесения Его на крест, значительно поколебалась. Евангельская история заверяет справедливость этих слов, повествуя, что ученики Иисуса Христа, преданные Своему Божественному Учителю, слушавшие Его учение, видевшие Его чудеса и ходившие вслед за Ним, увидев Его в опасности, разбежались «страха ради иудейского» (Ин. 20, 19). Даже ап. Петр, камень веры, любимый ученик Иисуса Христа троекратно отрекся от Того, Кого прежде исповедал Сыном Бога живого и Царем Израилевым: «не знаю Человека Сего» (Мк. 14, 71), а апостол Иоанн только издали следовал за своим учителем. Ученики Иисуса Христа до воскресения Его из мертвых, несмотря на многочисленные и разнообразные чудеса своего Учителя и Божественное учение Его, не имели твердой веры в Него, как в Мессию в истинно пророческом смысле. Поражаясь чудотворной силой Христа, они благоговели пред ним и склонны были видеть в нем национального героя, обладающего способностью освободить их отечество из-под гнета иноземной власти. Но и эта ложная вера учеников в Иисуса Христа, как Освободителя от иноземной власти, под впечатлением крестной смерти его, сильно поколебалась и покрывалась тенью сомнения²⁴. «Мы надеялись было, – говорили в день воскресения

²³ Деян. 3, 15–21, 26; 4, 10–12; 29–32; 10, 40–43.

²⁴ Глебов И. Историческая достоверность Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Харьков. 1904. Вера и разум. 1911. № 7.

Христа из мертвых два ученика Клеопа и Лука, шедшие в Еммаус (Лк. 24, 21), – что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля». В таком печальном положении находились те, которые должны были проповедовать всей вселенной учение Христа и обращать людей к вере в Него. Такое состояние учеников Иисуса Христа продолжалась до воскресения Его из мертвых.

Но вот Господь Иисус Христос воскрес из мертвых. Вследствие этого и после этого, ученики Иисуса Христа возрождаются к новой жизни и деятельности. Вера их приобретает истинное содержание и непоколебимую твердость (Ин. 3, 36). Любимый ученик Христов Иоанн, увидя лежащие в порядке пелены, уже уверовал, что Восставший из гроба есть истинный Богочеловек (Ин. 20, 8). То же произошло и с другими учениками Христа. Первые явления Воскресшего Христа ученикам Своим быстро рассеяли колебания, сомнения и тьму неверия среди них. В свете воскресения Христова просветлели понятия учеников Иисуса о царстве Мессии. Ученики Спасителя мира, увидев Божественного своего Учителя торжествующим над злобою надменных врагов, над узами смерти, когда Он торжественно сказал им, что Ему по воскресении дана всякая власть на небе и на земле (Мф. 28, 18–20), осознали ошибочность своих прежних представлений о Мессии, оставили их, и твердо уверовали в него, как истинного Сына Божия, Богочеловека. Только по воскресении Иисуса Христа апостолы произносят величайшее исповедание, которое не оставляет места никакому сомнению, что Иисус есть истинный и всемогущий Бог (Ин. 20, 28). И это исповедание произнесено самым недоверчивым из апостолов – Фомаю. Со времени славного факта воскресения Христа из мертвых учение, и страдания Его получили для апостолов высшее знаменование. Новая твердая надежда на Божественного Учителя своего, восторжествовавшего над адом и смертью, возродила в них беспримерное мужество – жить и умереть в служении Ему. Только по воскресении Иисуса Христа из мертвых апостолы безбоязненно и непоколебимо начали исповедывать и проповедовать всем людям, что Иисус есть истинный и собственный Сын Бога-Отца, обещанный Христос, Господь неба и земли, Владыка жизни и смерти и т. п.

Из сказанного видно, что светоносное воскресение Христово послужило основанием веры апостолов в Иисуса, как Богочеловека и истинного Исккупителя и Спасителя рода человеческого (Ин. 3, 36).

Это же величайшее событие служило и продолжает служить главнейшим основанием веры христиан в Богочеловечество Иисуса Христа во все времена, а чрез это и – веры в Триединого Бога.

Воскресение «первого из людей» Иисуса является для христианского человечества сильнейшим и несомненным удостоверением действительности Его крестной жертвы, принесенной для примирения Бога с человеком и человека с Богом, или для восстановления союза между ними. Факт воскресения Христа утвердил действительность совершенного Им искупления и этим оправдал Крест его. Если бы Иисус Христос не воскрес из гроба силою Своего Божества, то крестная смерть Его не имела бы искупительного значения для уничтожения тяготеющих над человечеством оков греха, проклятия и смерти. И не было бы оправдания Умершему на кресте, не было бы заключительного слова Бога Отца: «Аминь» к словам Бога Сына: «Совершилось», тогда крест, на котором был распят Спаситель мира, в глазах наших являлся бы только орудием самой позорной и ужасной казни и смерти. Если бы Иисус Христос не восстал из мертвых и тем самым не явил бы царского величия Своего, то это означало бы, что грех по-прежнему еще имеет силу над человечеством, потому что проклятие и смерть суть гибельнейшие следствия его. Поэтому св. апостол Павел и восклицает: «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших» (1 Кор. 15, 17), т. е. напрасна, обманчива ваша надежда на искупление: вы все еще находитесь во власти греха и смерти.

Но Иисус Христос воскрес: «расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его» (Деян. 2, 24) и тем ясно доказал, что Крестная жертва Его принята Богом. То, что Он Своей крестной смертью примирил²⁵ людей с Богом: «Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками, и мы, будучи врагами, примирились с Богом смертью Сына Его» (Рим. 5, 8 и 10) и что грех и соединенное с ним проклятие утратили свою силу над человечеством. Имея в виду это, св. апостол Павел говорит: «Тот, Которого Бог воскресил, не увидел тления. Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради его возвещается вам прощение грехов (Деян. 13, 37–38). Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их; Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас» (Рим. 8, 3–34). Из этих слов апостола Павла видно, что Иисус Христос Своим воскресением даровал людям «вся благая».

С другой стороны, воскресение Христа из мертвых оправдало самую сущность крестной жертвы Его, как страдающее добро (любовь). Иисус Христос словом и делом учил людей истинному добру и указал им пути к последнему в вере в Него, в любви к Нему. Он раскрывал пред людьми истину о том, что добро, гонимое, унижаемое на земле, восторжествует, если не здесь, то в будущей жизни, что невинные страдания ведут человека к прославлению. Люди дивились возвышенной, чрезвычайной мудрости и чистейшей нравственности Христа и только в некоторой степени проявляли любовь к Нему. Вся жизнь Спасителя мира была многострадальным подвигом, и она окончилась крестной смертью Его за грехи людей. Своими крестными страданиями и смертью Христос умилировал Бога, бесконечно оскорбленного грехом первозданного человека, заслужил прощение грехов человечества, и привел последнее к Богу (1 Пет. 3, 18). Но все это, соделанное Иисусом Христом для блага людей, не могло побудить их истинно и твердо полюбить Христа, Его учение о страдающем добре, и все Его дело. «Люди, – справедливо пишет профессор протоиерей П. Светлов, – не могли бы поверить Тому, Который всю жизнь только страдал и закончил Свою жизнь смертью; напротив, Его смерть была бы и смертью веры людей в добро: кто бы стал верить в добро, в его силу, видя только бессилие добра, гонимого, оскорбляемого, унижаемого? Поруганный, распятый Христос не привлекал бы к Себе людей: постигнувшая Его участь исторгнула бы у людей слезы глубокого горя и грусть; над Его могилою человек пролил бы несколько тихих слез, но этими слезами он оплакал бы добро, оплакал бы человека, – и гробница Спасителя была бы гробницею веры в добро».

²⁵ Примирение, искупление и усыновление – одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.